

Русские народные сказки

Русские народные сказки

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось, такая простая, сердечная!

- Что, - говорит, - ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда - и пошла.

В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

- Что, - говорит женщина, - день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

- Нет, нет, не хочу!

А там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила ее по спине.

- Плыви ты, - говорит, - белою уточкой!

И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего заморышка; и деточки ее вышли - ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

- Ох, не ходите туда, дети! - говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше - и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и

спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить – заморышек-то и не спит, все слышит, все видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

– Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

– Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

– Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

– Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

– Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это все один голос?» – подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукой – и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы, как платочки, холодны, как пласточки, лежали братцы рядышком.

Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Я нуждой вас выхаживала,

Я слезой вас выпаивала,

Темну ночь недосыпала.

Сладок кус недоедала!

– Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

– Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!

Кря, кря, голубяточки!

Погубила вас ведьма старая,

Ведьма старая, змея лютая,

Змея лютая, подколотная;

Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живет – величается!

«Эге!» – подумал князь и закричал:

– Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается; выбежал князь сам, она к нему на руки пала.

Взял он ее за крылышко и говорит:

– Стань, белая береза, у меня позади, а красная девица впереди!

Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой – говорящей.

Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они вострепнулись, сбрызнули говорящею – они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга; где рука – там грабли; где голова – там куст да колода. Налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

Бобовое зернышко

Жили-были петушок да курочка. Рылся петушок и вырыл бобок.

– Ко-ко-ко, курочка, ешь бобовое зернышко!

– Ко-ко-ко, петушок, ешь сам!

Съел петушок зернышко и подавился. Позвал курочку:

– Сходи, курочка, к речке, попроси водицы напиться.

Побежала курочка к речке:

– Речка, речка, дай мне водицы: петушок подавился бобовым зернышком!

Речка говорит – Сходи к липке, попроси листок, тогда дам водицы.

Побежала курочка к липке:

– Липка, липка, дай мне листок! Отнесу листок речке – речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Липка говорит:

- Сходи к девушке, попроси нитку.

Побежала курочка:

- Девушка, девушка, дай нитку! Отнесу нитку липке - липка даст листок, отнесу листок речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Девушка отвечает:

- Сходи к гребенщикам, попроси гребень, тогда дам нитку.

Курочка прибежала к гребенщикам:

- Гребенщики, гребенщики, дайте мне гребень! Отнесу гребень девушке - девушка даст нитку, отнесу нитку липке - липка даст листок, отнесу листок речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Гребенщики говорят:

- Сходи к калашникам, пусть дадут нам калачей.

Побежала курочка к калашникам:

- Калашники, калашники, дайте калачей! Калачи отнесу гребенщикам - гребенщики дадут гребень, отнесу гребень девушке - девушка даст нитку, нитку отнесу липке - липка даст листок, листок отнесу речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Калашники говорят:

- Сходи к дровосекам, пусть нам дров дадут.

Пошла курочка к дровосекам:

- Дровосеки, дровосеки, дайте дров! Отнесу дрова калашникам - калашники дадут калачей, калачи отнесу гребенщикам - гребенщики дадут гребень, гребень отнесу девушке - девушка даст нитку, нитку отдам липке - липка даст листок, листок отнесу речке - речка даст водицы петушку напиться: петушок подавился бобовым зернышком.

Дровосеки дали курочке дров.

Отнесла курочка дрова калашникам - калашники дали ей калачей, калачи отдала гребенщикам - гребенщики дали ей гребень, отнесла гребень девушке - девушка дала ей нитку, нитку отнесла липке - липка дала листок, отнесла листок речке - речка дала водицы. Петушок напился, и проскочило зернышко.

Запел петушок:

- Ку-ка-ре-куу!

Василиса Прекрасная

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве, и родилась у него только одна дочь – Василиса Прекрасная. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, мать призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала:

– Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние слова мои. Я умираю и вместе с родительским благословеньем оставляю тебе вот эту куклу. Носи ее всегда при себе и никому не показывай. А когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью.

Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший – за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти одноленок Василисы, – стало быть, и хозяйка, и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица, а мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили всевозможными работами, чтобы она от трудов похудела, а от ветра и солнца почернела, так что совсем житья не было.

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а мачеха с дочками худели и дурнели от злости, хотя всегда сидели сложа руки, как барыни.

Как же это так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без этого где бы девочке сладить со всей работой! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчует ее, приговаривая:

– На, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме батюшки, не вижу себе никакой радости. Злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?

Куколка покушает да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису. Та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загара. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет. Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе, на мачехиных же дочерей никто не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает:

– Не выдам младшую прежде старших! – А проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом. А возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила Баба-яга. Никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новое место, мачеха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но она всегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке Бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха как-то раздала всем троим девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть. И погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, сама же легла спать. Девушки стали работать. Вот нагорело на свечке, и одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку.

- Что теперь нам делать? - запричитали девушки. - Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к Бабе-яге!

- Мне от булавок светло! - сказала та, что плела кружево. - Я не пойду.

- И я не пойду, - сказала та, что вязала чулок. - Мне от спиц светло!

- Тебе за огнем идти, - закричали обе. - Ступай к Бабе-яге!

И вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала:

- На, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к Бабе-яге, а Баба-яга съест меня!

Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки.

- Не бойся, Василисушка! - сказала она. - Ступай куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у Бабы-яги!

Василиса собралась, положила куколку в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо нее всадник: сам белый, одет в белое, конь под ним белый и сбруя на коне белая, - на дворе стало рассветать. Идет она дальше. Вдруг скачет другой всадник: сам красный, одет в красное и на красном коне, - стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка Бабы-яги: забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские с глазами, вместо дверей у ворот - ноги человечьи, вместо запоров - руки, вместо замка - рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная.

Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во все черное и на черном коне. Подскакал к воротам Бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился, - настала ночь.

Но темнота продолжалась недолго: у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло как днем. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели. Выехала из лесу Баба-яга - в ступе едет, пестом погоняет, помелом след замечает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала:

- Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?

Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала:

- Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе!

- Хорошо, - сказала Баба-яга, - знаю я их. Но ты поживи наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня, а коли нет, так я тебя съем!

Потом обратилась к воротам и вскрикнула:

- Эй, заборы мои крепкие, отомкнитесь, ворота мои широкие, отворитесь! - Ворота отворились, Баба-яга въехала, посвистывая, и за ней вошла Василиса, а потом опять все заперлось.

Войдя в горницу, Баба-яга расселась за столом и говорит Василисе:

- Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу!

Василиса зажгла лучину^[1] от тех черепов, что на заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанья, а кушаний настряпано было человек на десять. Из погреба принесла квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха. Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины.

Стала Баба-яга спать ложиться и говорит:

- Когда завтра я уеду, ты, смотри, двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойдешь в закрома^[2], возьми четверть пшеницы и очисти от чернушки. Да чтоб все было сделано, а не то - съем тебя!

После такого наказа Баба-яга захрапела, а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и сказала:

- На, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне Баба-яга работу и грозит съесть меня, коли всего не исполню. Помоги мне!

Куколка в ответ:

- Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися - утро мудренее вечера!

Ранешенько проснулась Василиса, а Баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают. Вот мелькнул белый всадник - и совсем рассвело. Баба-яга вышла во двор, свистнула - перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник - взошло солнце, Баба-яга села в ступу и выехала со двора: пестом погоняет, помелом след замечает.

Осталась Василиса одна, осмотрела дом Бабы-яги, подивилась изобилию во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться? Глядит, а вся работа уже сделана - куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки.

- Ах ты, избавительница моя! - сказала Василиса куколке. - Ты от беды меня спасла!

- Тебе осталось только обед состряпать, - отвечала куколка, влезая в карман Василисы. - Состряпай с Богом да и отдыхай на здоровье!

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет Бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник - и совсем стемнело, только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья - едет Баба-яга. Василиса встретила ее.

- Все ли сделано? - спрашивает яга.

- Изволь посмотреть сама, бабушка! – молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрела, подсадовала, что не на что рассердиться, и говорит:

- Ну хорошо!

Потом крикнула:

- Верные мои слуги, сердечные друзья, смелите мне пшеницу!

Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон с глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дает наказ Василисе:

- Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку: вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!

Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему:

- Молись Богу да ложись спать: утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!

Наутро Баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куколкой всю работу тотчас справили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула:

- Верные мои слуги, сердечные друзья, выжмите из мака масло!

Явились три пары рук, схватили мак и унесли с глаз. Баба-яга стала обедать. Она ест, а Василиса молча стоит.

- Что же ты ни о чем не говоришь со мной! – сказала Баба-яга. – Стоишь как немая?

- Не смею, – отвечала Василиса, – а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем.

- Спрашивай! Только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состаришься!

- Я хочу спросить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде. Кто он такой?

- Это день мой ясный, – отвечала Баба-яга.

- Потом обогнал меня другой всадник – на красном коне, сам красный и весь в красное одет. Это кто такой?

- Это мое солнышко красное! – отвечала Баба-яга.

- А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?

- Это ночь моя темная. Все мои слуги верные!

Василиса вспомнила о трех парах рук, но смолчала.

- Что же ты еще не спрашиваешь? – молвит Баба-яга.

- Будет с меня и этого. Сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь – состаришься!

- Хорошо, – сказала Баба-яга, – что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?

- Мне помогает благословение моей матери, – отвечала Василиса.

- Так вот оно что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных!

Вытащила она Василису из горницы и вытолкала за ворота. Потом сняла с забора череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей:

- Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его: они ведь за этим тебя сюда послали!

Бегом пустилась Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра. И наконец к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить уж череп: «Верно, дома, – думает себе, – уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа:

- Не бросай меня, неси к мачехе!

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решилась идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня: сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей – тот погасал, как только входили с ним в горницу.

- Авось твой огонь будет держаться! – сказала мачеха. Внесли череп в горницу, а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся – глаза всюду за ними так и следят. К утру совсем сожгло их в уголь, одну Василису не тронуло.

Путру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке. Живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке:

- Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи купи мне льна самого лучшего: я хоть прясть буду!

Старушка купила. Василиса села за дело – работа так и горит у нее, и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много, пора бы и за тканье приниматься, да таких берд^[3] не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу. Никто не берется и сделать их. Василиса стала просить свою куколку. Та и говорит:

- Принеси-ка мне какой-нибудь старый берд, да старый челнок, да лошадиные гривы: я все тебе смастерю.

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе:

- Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе.

Старуха взглянула на товар и ахнула:

- Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому: понесу во дворец!

Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спрашивает:

- Что тебе, старушка, надобно?

- Ваше царское величество, - отвечает старуха, - я принесла диковинный товар. Никому, кроме тебя, показать не хочу!

Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно - вздивовался.

- Что хочешь за него? - спросил царь.

- Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла!

Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить. Раскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их сшить. Долго искали, наконец царь позвал старуху и говорит:

- Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки шить!

- Не я, государь, пряла и ткала полотно, - сказала старуха, - это работа приемыша моего - девушки.

- Ну так пусть и сошьет она!

Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе.

- Я знала, - говорит ей Василиса, - что эта работа моих рук не минует!

Заперлась в свою горницу и принялась за работу. Шила она не покладая рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга. Вошел в горницу и говорит:

- Царь-государь хочет видеть искусницу, что сшила ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук!

Пошла Василиса и явилась пред очи царские. Как увидал царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти.

- Нет, красавица моя, - говорит он, - не расстанусь я с тобой, ты будешь моей женою!

Взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадьбу сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался ее судьбе и остался жить при дворе дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

Война грибов с ягодами

Красным летом всего в лесу много - и грибов всяких, и всяких ягод: земляники с черникой, и малины с ежевикой, и черной смородины. Ходят девки по лесу, ягоды собирают, песенки

распевают, а гриб-боровик, под дубочком сидючи, и пыжится, дуется, из земли прет, на ягоды гневается: «Вишь, что их уродилось! Бывало, и мы в чести, в почете, а ныне никто на нас и не посмотрит! Постой же, – думает боровик, всем грибам голова, – нас, грибов, сила великая: пригнетем, задушим ее, сладкую ягоду!»

Задумал-загадал боровик войну, под дубом сидючи, на все грибы гляючи, и стал он грибы сзывать, стал помощь скликать:

– Идите вы, волнушки, выступайте на войну!

Отказались волнушки:

– Мы все старые старушки, не повинны на войну.

– Идите вы, опенки!

Отказались опенки:

– У нас ноги больно тонки, не пойдем на войну!

– Эй вы, сморчки! – крикнул гриб-боровик. – Снаряжайтесь на войну!

Отказались сморчки, говорят:

– Мы старички, уж куда нам на войну!

Рассердился гриб, прогневался боровик, и крикнул он громким голосом:

– Грузди, вы ребята дружны, идите со мной воевать, кичливую ягоду избивать!

Откликнулись грузди с подгруздками:

– Мы грузди, братья дружны, мы идем с тобой на войну, на лесную и полевую ягоду, мы ее шапками закидаем, пятой затопчем!

Сказав это, грузди полезли дружно из земли, сухой лист над головами их вздымается, грозная рать подымается.

«Ну, быть беде», – думает зеленая травка.

А на ту пору пришла с коробом в лес тетка Варвара – широкие карманы. Увидав великую груздевую силу, ахнула, присела и ну грибы сподряд брать да в кузов^[4] класть. Набрала его полным-полнешенько, насилу до дому донесла, а дома разобрала грибки по родам да по званию: волнушки – в кадушки, опенки – в бочонки, сморчки – в бурачки^[5], груздки – в кузовки, а наибольший гриб-боровик попал в вязку; его пронизали, высушили, да и продали.

С той поры перестал гриб с ягодою воевать.

Волк и коза

Жила-была коза, сделала себе в лесу избушку и нарожала деток. Часто уходила коза в бор искать корму. Как только уйдет, козлятки запрут за нею избушку, а сами никуда не выходят. Воротится коза, постучится в дверь и запоеет:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки тотчас отопрут двери и впустят мать. Она покормит их и опять уйдет в бор, а козлятки запрутся крепко-накрепко.

Волк все это и подслушал; выждал время, и только коза в бор, он подошел к избушке и закричал своим толстым голосом:

Вы, детушки, вы, батюшки,
Отопритесь, отворитесь!
Ваша мать пришла,
Молока принесла,
Полны копытца водицы!

А козлятки отвечают:

- Слышим, слышим - не матушкин голосок! Наша матушка поет тонким голоском и не так причитает.

Волк ушел и спрятался.

Вот приходит коза и стучится:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.
Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлятки впустили мать и рассказали ей, как приходил к ним бирюк и хотел их поесть.

Коза покормила их и, уходя в бор, строго-настрого наказала: коли придет кто к избушке и станет проситься толстым голосом и не переберет всего, что она им причитывает, того ни за что не впускать в двери.

Только что ушла коза, волк прибежал к избе, постучался и начал причитывать тоненьким голоском:

Козлятушки, детятушки!
Отопритесь, отворитесь!
А я, коза, в бору была;
Ела траву шелковую,
Пила воду студеную.

Бежит молоко по вымечку,
Из вымечка в копытечко,
Из копытечка в сыру землю!

Козлята отперли двери, волк вбежал в избу и всех поел, только один козленочек схоронился, в печь влез.

Приходит коза; сколько ни причитывала – никто ей не отзывается.

Подошла поближе к дверям и видит, что все отворено; в избу – а там все пусто; заглянула в печь и нашла одного детища.

Как узнала коза о своей беде, села она на лавку, зачала горько плакать и припевать:

– Ох вы, детушки мои, козлятушки! На что отпиралися-отворялися, злему волку доставалися? Он вас всех поел и меня, козу, со великим горем, со кручиной сделал.

Услышал это волк, входит в избушку и говорит козе:

– Ах ты, кума, кума! Что ты на меня грешишь? Неужли-таки я сделаю это! Пойдем в лес, погуляем.

– Нет, кум, не до гулянья.

– Пойдем! – уговаривает волк.

Пошли они в лес, нашли яму, а в этой яме разбойники кашницу недавно варили, и оставалось в ней еще довольно-таки огня.

Коза говорит волку:

– Кум, давай попробуем, кто перепрыгнет через эту яму?

Стали прыгать.

Волк прыгнул да и ввалился в горячую яму; брюхо у него от огня лопнуло, и козлятки выбежали оттуда да прыг к матери.

И стали они жить да поживать, ума наживать, а лиха избывать.

Волшебное кольцо

Внекотором царстве, в некотором государстве жил да был старик со старухой, и был у них сын Мартынка. Всю жизнь свою занимался старик охотой, бил зверя и птицу, тем и сам кормился и семью кормил. Пришло время – заболел старик и помер. Остался Мартынка с матерью, потужили-поплакали, да делать-то нечего: мертвого назад не воротишь. Пожили с неделю и приели весь хлеб, что в запасе был.

Видит старуха, что больше есть нечего, надо за денежки приниматься, а старик-то оставил им двести рублей. Больно не хотелось ей начинать кубышку, однако сколько ни крепилась, а начинать нужно – не с голоду же умирать! Отсчитала сто рублей и говорит сыну:

– Ну, Мартынка, вот тебе сто целковиков, пойді попроси у соседей лошадь, поезжай в город да

закупи хлеба. Авось как-нибудь зиму промаячим, а весной станем работу искать.

Мартынка выпросил телегу с лошадей и поехал в город. Едет он мимо мясных лавок – шум, брань, толпа народу. Что такое? А то мясники изловили охотничью собаку, привязали к столбу и бьют ее палками – собака рвется, визжит, огрызается... Мартынка подбежал к тем мясникам и спрашивает:

- Братцы, за что вы бедного пса так бьете немилостиво?
- Да как его не бить, – отвечают мясники, – когда он целую тушу говядины испортил!
- Полно, братцы! Не бейте его, лучше продайте мне.
- Пожалуйста, купи, – говорит один мужик шутя. – Давай сто рублей.

Мартынка вытащил из-за пазухи сотню, отдал мясникам, а собаку отвязал и взял с собой. Пес начал к нему ласкаться, хвостом так и вертит: понимает, значит, кто его от смерти спас.

Вот приезжает Мартынка домой, мать тотчас стала спрашивать:

- Что купил, сынок?
- Купил себе первое счастье.
- Что ты завираешься! Какое там счастье?
- А вот он, Журка! – и показывает ей собаку.
- А больше ничего не купил?
- Коли б деньги остались, может, и купил бы, только вся сотня за собаку пошла.

Старуха заругалась.

- Нам, – говорит, – самим есть нечего, нынче последние поскребушки по закромам собрала да лепешку испекла, а завтра и того не будет.

На другой день вытащила старуха еще сто рублей, отдает Мартынке и наказывает:

- На, сынок! Поезжай в город, купи хлеба, а задаром денег не бросай.

Приехал Мартынка в город, стал ходить по улицам да присматриваться, и попался ему на глаза злой мальчишка: поймал кота, зацепил веревкой за шею и давай тащить на реку.

- Постой! – закричал Мартынка. – Куда Ваську тащишь?
- Хочу его утопить, проклятого!
- За какую провинность?
- Со стола пирог стянул.
- Не топи его, лучше продай мне.
- Пожалуй, купи. Давай сто рублей.

Мартынка не стал долго раздумывать, полез за пазуху, вытащил деньги и отдал мальчику, а кота посадил в мешок и повез домой.

- Что купил, сынок? – спрашивает его старуха.

- Кота Ваську.

- А больше ничего не купил?

- Коли б деньги остались, может, и купил бы еще что-нибудь.

- Ах ты дурак этакой! – закричала на него старуха. – Ступай же из дому вон, ищи себе хлеба по чужим людям!

Пошел Мартынка в соседнее село искать работу. Идет дорогою, а следом за ним Журка с Васькой бегут. Навстречу ему поп:

- Куда, свет, идешь?

- Иду в батраки наниматься.

- Ступай ко мне. Только я работников без ряды беру: кто у меня прослужил три года, того и так не обижу.

Мартынка согласился и без устали три лета и три зимы на попу работал. Пришел срок к расплате, зовет его хозяин:

- Ну, Мартынка, иди – получай за свою службу.

Привел его в амбар, показывает два полных мешка и говорит:

- Какой хочешь, тот и бери.

Смотрит Мартынка – в одном мешке серебро, а в другом песок, и задумался:

«Эта шутка неспроста приготовлена! Пусть лучше мои труды пропадут, а уж я попытаю, возьму песок – что из того будет?»

Говорит он хозяину:

- Я, батюшка, выбираю себе мешок с мелким песочком.

- Ну, свет, твоя добрая воля. Бери, коли серебром брезгаешь.

Мартынка взвалил мешок на спину и пошел искать другого места. Шел, шел и забрел в темный, дремучий лес. Среди леса поляна, на поляне огонь горит, в огне девица сидит, да такая красавица, что ни вздумать ни взгадать, только в сказке сказать. Говорит красная девица:

- Мартын, вдовьин сын! Если хочешь добыть себе счастья, избавь меня: засыпь это пламя песком, за который ты три года служил.

«И впрямь, – подумал Мартынка, – чем таскать с собою этакую тяжесть, лучше человеку пособить. Невелико богатство – песок, этого добра везде много!»

Снял мешок, развязал и давай сыпать. Огонь тотчас погас, красная девица ударилась оземь, обернулась змеею, вскочила доброму молодцу на грудь и обвилась кольцом вокруг его шеи. Мартынка испугался.

- Не бойся! - сказала ему змея. - Иди теперь за тридевять земель, в тридесятое государство, в подземное царство, там мой батюшка царствует. Как придешь к нему на двор, будет он давать тебе много золота, и серебра, и самоцветных камней - ты ничего не бери, а проси у него с мизинного перста колечко. То кольцо не простое: если перекинуть его с руки на руку - тотчас двенадцать молодцев явятся, и что им ни будет приказано, все за единую ночь сделают.

Отправился добрый молодец в путь-дорогу. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли - подходит к тридесятому царству и видит огромный камень. Тут соскочила с его шеи змея, ударилась о сырую землю и сделалась по-прежнему красною девицей.

- Ступай за мной! - говорит красная девица и повела его под тот камень. Долго шли они подземным ходом, вдруг забрезжил свет - все светлей да светлей, и вышли они на широкое поле, под ясное небо. На том поле великолепный дворец выстроен, а во дворце живет отец красной девицы, царь той подземной стороны.

Входят путники в палаты белокаменные, встречает их царь ласково.

- Здравствуй, - говорит, - дочь моя милая! Где ты столько лет скрывалась?

- Свет ты мой батюшка! Я бы совсем пропала, если бы не этот человек: он меня от злой, неминуемой смерти освободил и сюда, в родные места, привел.

- Спасибо тебе, добрый молодец! - сказал царь. - За твою добродетель наградить тебя надо. Бери себе и золота, и серебра, и камней самоцветных сколько твоей душе хочется.

Отвечает ему Мартын, вдовья сын:

- Ваше царское величество! Не требуется мне ни золота, ни серебра, ни камней самоцветных. Коли хочешь жаловать, дай мне колечко со своей царской руки - с мизинного перста. Я человек холостой, стану на колечко почаще посматривать, стану про невесту раздумывать, тем свою скуку разгонять.

Царь тотчас снял кольцо, отдал Мартыну:

- На, владей на здоровье! Да смотри никому про кольцо не рассказывай, не то сам себя в большую беду втянешь!

Мартын, вдовья сын, поблагодарил царя, взял кольцо да малую толику денег на дорогу и пустился обратно тем же путем, каким прежде шел. Близко ли, далеко ли, скоро ли, коротко ли - воротился на родину, разыскал свою мать-старуху, и стали они вместе жить-поживать без всякой нужды и печали.

Захотелось Мартынке жениться; пристал он к матери, посылает ее свахою.

- Ступай, - говорит, - к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну.

- Эй, сынок, - отвечает старуха, - рубил бы ты дерево по себе, лучше бы вышло! А то вишь что выдумал! Ну зачем я к королю пойду! Известное дело, он осердится и меня и тебя велит казни предать.

- Ничего, матушка! небось, коли я посылаю, значит, смело иди. Какой будет ответ от короля, про то мне скажи, а без ответу и домой не возвращайся.

Собралась старуха и поплелась в королевский дворец. Пришла на двор и прямо на парадную лестницу, так и прет без всякого доклада. Ухватили ее часовые:

- Стой, старая ведьма! Куда тебя черти несут? Здесь даже генералы не смеют ходить без доклада...

- Ах вы такие-сякие! – закричала старуха. – Я пришла к королю с добрым делом, хочу высватать его дочь-королевну за моего сынка, а вы хватаете меня за полы!

Такой шум подняла! Король услышал крики, глянул в окно и велел допустить к себе старушку. Вот вошла она в комнату и поклонилась королю.

- Что скажешь, старушка? – спросил король.

- Да вот пришла к твоей милости. Не во гнев тебе сказать: есть у меня купец, у тебя товар. Купец-то – мой сынок Мартынка, пребольшой умница, а товар – твоя дочка, прекрасная королевна. Не отдашь ли ее замуж за моего Мартынку? То-то пара будет!

- Что ты! Или с ума сошла? – закричал на нее король.

- Никак нет, ваше королевское величество! Извольте ответ дать.

Король тем же часом собрал к себе всех господ министров, и начали они судить да рядить, какой бы ответ дать этой старухе. И присудили так: пусть-де Мартынка за единые сутки построит богатейший дворец, и чтобы от того дворца до королевского был сделан хрустальный мост, а по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех же деревьях пели бы разные птицы. Да еще пусть выстроит пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять. Если старухин сын все это сделает, тогда можно за него и королевну отдать: значит, больно мудрен. А если не сделает, то и старухе и ему срубить за провинность головы.

С таким-то ответом отпустили старуху. Идет она домой – шатается, горячими слезами заливается. Увидала Мартынку. Кинулась к нему.

- Ну, – говорит, – сказывала я тебе, сынок, не затевай лишнего, а ты все свое! Вот теперь и пропали наши бедные головушки, быть нам завтра казненными.

- Полно, матушка! Авось живы останемся. Ложись почивать – утро, кажись, мудренее вечера.

Ровно в полночь встал Мартын с постели, вышел на широкий двор, перекинул кольцо с руки на руку – и тотчас явились перед ним двенадцать молодцев, все на одно лицо, волос в волос, голос в голос.

- Что тебе понадобилось, Мартын, вдовьин сын?

- А вот что: сделайте мне к свету на этом месте богатейший дворец, и чтобы от моего дворца до королевского был хрустальный мост, по обеим сторонам моста росли бы деревья с золотыми и серебряными яблоками, на тех на деревьях пели бы разные птицы. Да еще выстройте пятиглавый собор: было бы где венец принять, было бы где свадьбу справлять.

Отвечали двенадцать молодцев:

– К завтраму все будет готово!

Бросились они по разным местам, согнали со всех сторон мастеров и плотников и принялись за работу: все у них спорится, быстро дело делается.

Наутро проснулся Мартынка не в простой избе, а в знатных, роскошных покоях; вышел на высокое крыльцо, смотрит – все как есть готово: и дворец, и собор, и мост хрустальный, и деревья с золотыми и серебряными яблоками. В ту пору и король выступил на балкон, глянул в подзорную трубочку и диву дался: все по приказу сделано! Призывает к себе прекрасную королеву и велит к венцу снаряжаться.

– Ну, – говорит, – не думал я, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына, да теперь миновать того нельзя.

Вот, пока королева умывалась, притиралась, в дорогие уборы рядилась, Мартын, вдовьин сын, вышел на широкий двор и перекинул свое колечко с руки на руку – вдруг двенадцать молодцев словно из земли выросли:

– Что угодно, что надобно?

– А вот, братцы, оденьте меня в боярский кафтан да приготовьте расписную коляску и шестерку лошадей.

– Сейчас будет готово!

Не успел Мартынка три раза моргнуть, а уж притащили ему кафтан; надел он кафтан – как раз впору, словно по мерке сшит. Оглянулся – у подъезда коляска стоит, в коляску чудные кони запряжены – одна шерстинка серебряная, а другая золотая. Сел он в коляску и поехал в собор. Там уже давно к обедне звонят, и народу привалило видимо-невидимо. Вслед за женихом приехала и невеста со своими няньками и мамками, и король со своими министрами. Отстояли обедню, а потом, как следует, взял Мартын, вдовьин сын, прекрасную королеву за руку и принял закон с нею. Король дал за дочкой богатое приданое, наградил зятя большим чином и задал пир на весь мир.

Живут молодые месяц, и два, и три. Мартынка, что ни день, все новые дворцы строит да сады разводит.

Только королеве больно не по сердцу, что выдали ее замуж не за царевича, не за королевича, а за простого мужика. Стала думать, как бы его со света сжить. Прикинулась такою лисой, что и на-поди! Всячески за мужем ухаживает, всячески ему услуживает да все про его мудрость выпрашивает. Мартынка крепится, ничего не рассказывает.

Вот как-то раз был Мартынка у короля в гостях, вернулся домой поздно и лег отдохнуть. Тут королева и пристала к нему, давай его целовать-миловать, ласковыми словами прельщать – и таки умаслила: не утерпел Мартынка, рассказал ей про свое чудодейное колечко.

«Ладно, – думает королева, – теперь я с тобою разделаюсь!»

Только заснул он крепким сном, королева хватить его за руку, сняла с мизинного пальца колечко, вышла на широкий двор и перекинула то кольцо с руки на руку. Тотчас явились перед ней двенадцать молодцев:

- Что угодно, что надобно, прекрасная королева?

- Слушайте, ребята! Чтоб к утру не было здесь ни дворца, ни собора, ни моста хрустального, а стояла бы по-прежнему старая избушка. Пусть мой муж в бедности остается, а меня унесите за тридевять земель, в тридесятое царство, в мышье государство. От одного стыда не хочу здесь жить!

- Рады стараться, все будет исполнено!

В ту же минуту подхватило ее ветром и унесло в тридесятое царство, в мышье государство.

Утром проснулся король, вышел на балкон посмотреть в подзорную трубочку - нет ни дворца с хрустальным мостом, ни собора пятиглавого, а только стоит старая избушка.

«Что бы это значило? - думал король. - Куда все делось?»

И, не мешкая, посылает своего адъютанта разузнать на месте: что такое случилось? Адъютант поскакал верхом и, воротясь назад, докладывает государю:

- Ваше величество! Где был богатейший дворец, там стоит по-прежнему худая избушка, в той избушке ваш зять со своей матерью поживает, а прекрасной королевы и духу нет, и неведомо, где она нынче находится.

Король созвал большой совет и велел судить своего зятя: зачем-де обольстил его волшебством и сгубил прекрасную королеву. Осудили Мартынку посадить в высокий каменный столб и не давать ему ни есть, ни пить - пусть умрет с голоду. Явились каменщики, вывели столб и замуровали Мартынку наглухо, только малое окошечко для света оставили. Сидит он, бедный, в заключении, не ест, не пьет день, и другой, и третий да слезами обливается.

Узнала про ту напасть собака Журка, прибежала в избушку, а кот Васька на печи лежит мурлыкает. Напустился на него Журка:

- Ах ты подлец, Васька! Только знаешь на печи лежать да потягиваться, а того не ведаешь, что хозяин наш в каменном столбу заточен. Видно, позабыл старое добро, как он сто рублей заплатил да тебя от смерти освободил. Кабы не он, давно бы тебя, проклятого, черви источили. Вставай скорей! Надо помогать ему всеми силами.

Вот Васька соскочил с печки и вместе с Журкою побежал разыскивать хозяина. Прибежал к столбу, вскарабкался наверх и влез в окошечко:

- Здравствуй, хозяин! Жив ли ты?

- Еле жив, - отвечает Мартынка. - Совсем отощал без еды, приходится умирать голодной смертью.

- Постой, не тужи! Мы тебя и накормим, и напоим, - сказал Васька, выпрыгнул в окно и спустился на землю. - Ну, брат Журка, ведь хозяин с голоду умирает! Как бы нам ухитриться да помочь ему?

- Дурак ты, Васька! И этого не придумашь. Пойдем-ка по городу. Как только встретится булочник с лотком, я живо подкачусь ему под ноги и собью у него лоток с головы. Тут ты смотри не плошай! Хватай поскорей калачи да булки и тащи к хозяину.

Вот вышли они на большую улицу, а навстречу им мужик с лотком. Журка бросился ему под ноги, мужик пошатнулся, выронил лоток, рассыпал все хлеба да с испугу пустился бежать в сторону: боязно ему, что собака, пожалуй, бешеная – долго ли до беды! А кот Васька цап за булку и потащил к Мартынке; отдал одну – побежал за другой, отдал другую – побежал за третьей.

После того задумали кот Васька да собака Журка идти в тридесятое царство, в мышье государство – добывать чудодейное кольцо. Дорога дальняя, много времени утечет...

Натаסקали они Мартынке сухарей, калачей и всякой всячины на целый год и говорят:

– Смотри же, хозяин! Ешь-пей, да оглядывайся, чтобы хватило тебе запасов до нашего возвращения.

Попрощались и отправились в путь-дорогу.

Близко ли, далеко, скоро ли, коротко – приходят они к синему морю. Говорит Журка коту Ваське:

– Я надеюсь переплыть на ту сторону. А ты как думаешь?

Отвечает Васька:

– Я плавать не мастак, сейчас потону.

– Ну, садись ко мне на спину!

Кот Васька сел собаке на спину, уцепился когтями за шерсть, чтобы не свалиться, и поплыли они по морю. Перебрались на другую сторону и пришли в тридесятое царство, в мышье государство.

В том государстве не видать ни души человеческой, зато столько мышей, что и сосчитать нельзя: куда ни сунься, так стаями и ходят! Говорит Журка коту Ваське:

– Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать.

Васька к той охоте привычен: как пошел расправляться с мышами по-своему, что ни цапнет – то и дух вон! Журка едва поспевает в кучу складывать и в неделю накладал большую скирду.

На все царство налегла кручина великая. Видит мышиный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано, вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською:

– Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца. Лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю.

Отвечает ему Журка:

– Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королева. Унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь и царство твоё сгинет: все как есть запустошим!

– Постойте, – говорит мышиный царь, – я соберу своих подданных и спрошу у них.

Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать: не возьмется ли кто из них пробраться во дворец к королевне и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышонок.

- Я, - говорит, - в том дворце часто бываю: днем королевна носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладет его в рот.

- Ну-ка, постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, не поскуплюсь, награжу тебя по-царски.

Мышонок дождался ночи, пробрался во дворец и залез потихоньку в спальню. Смотрит - королевна крепко спит. Он вполз на постель, всунул королевне в нос свой хвостик и давай щекотать в ноздрях. Она чихнула - кольцо изо рта выскочило и упало на ковер. Мышонок прыг с кровати, схватил кольцо в зубы и отнес к своему царю. Царь мышиный отдал кольцо сильномогучим богатырям - коту Ваське да собаке Журке. Они на том царю благодарствовали и стали друг с дружкой совет держать: кто лучше кольцо сбережет?

Кот Васька говорит:

- Давай мне, уж я ни за что не потеряю!

- Ладно, - говорит Журка. - Смотри же, береги его пуще своего глаза.

Кот взял кольцо в рот, и пустились они в обратный путь.

Вот дошли до синего моря. Васька вскочил Журке на спину, уцепился лапами как можно крепче, а Журка в воду - и поплыл через море.

Плывет час, плывет другой. Вдруг, откуда ни взялся, прилетел черный ворон, пристал к Ваське и давай долбить его в голову. Бедный кот не знает, что ему делать, как от врага оборониться. Если пустить в дело лапы - чего доброго, опрокинешься в море и на дно пойдешь; если показать ворону зубы - пожалуй, кольцо выронишь. Беда, да и только! Долго терпел он, да под конец немоготу стало - продолбил ему ворон буйную голову до крови. Озlobился Васька, стал зубами обороняться - и уронил кольцо в синее море. Черный ворон поднялся вверх и улетел в темные леса.

А Журка, как выплыл на берег, тотчас же про кольцо спросил. Васька стоит голову понутивши.

- Прости, - говорит, - виноват, брат, перед тобою: ведь я кольцо в море уронил!

Напустился на него Журка:

- Ах ты олух! Счастлив ты, что я прежде того не узнал, я бы тебя, разиню, в море утопил! Ну с чем мы теперь к хозяину явимся? Сейчас полезай в воду: или кольцо добудь, или сам пропадай!

- Что в том прибыли, коли я пропаду? Лучше давай ухитряться: как прежде мышей ловили, так и теперь станем за раками охотиться; авось, на наше счастье, они нам помогут кольцо найти.

Журка согласился; стали они ходить по морскому берегу, стали раков ловить да в кучу складывать. Большой ворох наклали! На ту пору вылез из моря огромный рак, захотел погулять на чистом воздухе. Журка с Васькой сейчас его слапали и ну тормошить его во все стороны!

- Не душите меня, сильномогучие богатыри! Я - царь над всеми раками. Что прикажете, то и сделаю.

- Мы уронили кольцо в море, разыщи его и доставь, коли хочешь милости, а без этого все твое царство до конца разорим!

Царь-рак в ту же минуту созвал своих подданных и стал про кольцо расспрашивать. Вызвался один малый рак.

- Я, - говорит, - знаю, где оно находится. Как только упало кольцо в синее море, тотчас подхватила его рыба-белужина и проглотила на моих глазах.

Тут все раки бросились по морю разыскивать рыбу-белужину, зацапали ее, бедную, и давай щипать клещами; уж они гоняли-гоняли ее - просто на единый миг покоя не дают. Рыба и туда и сюда, вертелась-вертелась и выскочила на берег.

Царь-рак вылез из воды и говорит коту Ваське да собаке Журке:

- Вот вам, сильномогучие богатыри, рыба-белужина, теребите ее немилостиво: она ваше кольцо проглотила.

Журка бросился на белужину и начал ее с хвоста уписывать. «Ну, - думает, - досыта теперь наемся!»

А шельма-кот знает, где скорее кольцо найти, принялся за белужье брюхо и живо на кольцо напал. Схватил кольцо в зубы и давай Бог ноги - что есть силы бежать, а на уме у него такая думка: «Прибегу я к хозяину, отдам ему кольцо и похвалюсь, что один все устроил. Будет меня хозяин и любить и жаловать больше, чем Журку!»

Тем временем Журка наелся досыта, смотрит - где же Васька? И догадался, что товарищ его себе на уме: хочет неправдой у хозяина выслужиться.

- Так врешь же, плут Васька! Вот я тебя нагоню, в мелкие куски разорву!

Побежал Журка в погоню; долго ли, коротко ли - нагоняет он кота Ваську и грозит ему бедой неминуею. Васька усмотрел в поле березку, вскарабкался на нее и засел на самой верхушке.

- Ладно! - говорит Журка. - Всю жизнь не просидишь на дереве, когда-нибудь и слезть захочешь, а уж я ни шагу отсюда не сделаю.

Три дня сидел кот Васька на березе, три дня караулил его Журка, глаз не спуская; проголодались оба и согласились на мировую. Помирились и отправились вместе к своему хозяину. Прибежали к столбу. Васька вскочил в окошечко и спрашивает:

- Жив ли, хозяин?

- Здравствуй, Васька! Я уж думал, вы не воротитесь. Три дня, как без хлеба сижу.

Кот подал ему чудодейное кольцо. Мартынка дождался глухой полночи, перекинул кольцо с руки на руку - тотчас явились двенадцать молодцев:

- Что угодно, что надобно?

- Поставьте, ребята, мой прежний дворец, и мост хрустальный, и собор пятиглавый и перенесите сюда мою неверную жену. Чтобы к утру все было готово.

Сказано - сделано. Поутру проснулся король, вышел на балкон, посмотрел в подзорную

трубочку: где избушка стояла, там высокий дворец выстроен, от того дворца до королевского хрустальный мост тянется, по обеим сторонам моста растут деревья с золотыми и серебряными яблоками. Король приказал заложить коляску и поехал разведать, впрямь ли все стало по-прежнему, или только ему это привиделось. Мартынка встречает его у ворот.

– Так и так, – докладывает, – вот что со мной королева сделала!

Король присудил ее наказать. А Мартынка и теперь живет, хлеб жует.

Ворона и рак

Летела ворона по-над морем, смотрит: рак ползет – хап его! И понесла в лес, чтобы, усевшись где-нибудь на ветке, хорошенько закусить. Видит рак, что приходится пропадать, и говорит вороне:

– Эй, ворона, ворона! Знал я твоего отца и мать – славные были люди!

– Угу! – ответила ворона, не раскрывая рта.

– И братьев и сестер твоих знаю: что за добрые были люди!

– Угу!

– Да все же хоть они и хорошие люди, а тебе неровня. Мне сдается, что разумнее тебя никого нет на свете.

Понравились эти речи вороне; каркнула она во весь рот и упустила рака в море.

Горе

В одной деревушке жили два мужика, два родных брата: один был бедный, другой – богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет ни куска хлеба, а ребяташки – мал мала меньше – плачут да есть просят.

С утра до вечера бьется мужик как рыба об лед, а все ничего нет. Говорит он одна своя жена:

– Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?

Пришел к богатому:

– Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю: жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают.

– Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!

Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба:

– Вот тебе за труды!

– И за то спасибо! – сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти.

- Пстой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра мои именины.
- Эх, братец, куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке.
- Ничего, приходи! И тебе будет место.
- Хорошо, братец, приду.

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит:

- Слушай, жена! Назавтра нас с тобой в гости звали.
- Как в гости? Кто звал?
- Брат. Он завтра именинник.
- Ну что ж, пойдем.

Наутро встали и пошли в город; пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл – ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят.

Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяйшкой благодарить, и бедный тоже – поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом.

- Давай-ка, – говорит жене, – и мы запоем песню!
- Эх ты, дурак! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?
- Ну, все-таки у брата на именинах был; без песни мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...
- Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!

Мужик запел песню, и слышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену:

- Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?
- Что с тобой? Я вовсе и не думала.
- Так кто же?
- Не знаю! – сказала баба. – А ну запой, я послушаю.

Он опять запел; поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает:

- Это ты, Горе, мне петь пособляешь?

Горе отозвалось:

- Да, хозяин! Это я пособляю.

- Ну, Горе, пойдем с нами вместе.

- Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану.

Пришел мужик домой, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит:

- У меня денег нет!

- Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги! Видишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок побоку...

Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок.

На другой день Горе заохало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить.

- Денег нет, - говорит мужик.

- Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу - с нас и довольно!

Нечего делать, не отбиться мужику от Гора: взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем.

Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху.

Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес.

Горе опять пристает к нему:

- Пойдем да пойдем в кабак!

- Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего.

- Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно.

Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Полуночью проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит:

- Хозяин!

- Что, Горе?

- А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою.

Пошел мужик к соседу.

- Дай, - просит, - на времечко пару волов с телегою; я на тебя хоть неделю за то проработаю.

- На что тебе?

- В лес за дровами съездить.

- Ну, возьми; только невелик воз накладывай.

- И, что ты, кормилец!

Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле.

- Хозяин, - спрашивает Горе, - знаешь ли ты на этом поле большой камень?

- Как не знать!

- А когда знаешь, поезжай прямо к нему.

Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги.

Горе велит мужику поднимать камень. Мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма - полна золотом насыпана.

- Ну, что глядишь? - сказывает Горе мужику. - Таскай скорей в телегу.

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит:

- Посмотри-ка, Горе, никак там еще деньги остались?

Горе наклонилось:

- Где? Я что-то не вижу!

- Да вон в углу светятся!

- Нет, не вижу.

- Полезай в яму, так и увидишь.

Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем.

- Вот этак-то лучше будет! - сказал мужик. - Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу, стал думать, как бы себя устроить. Купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли - поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины.

- Вот что выдумал! - сказал ему богатый брат. - У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!

- Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего: приезжай - увидишь.

- Ладно, приеду!

На другой день богатый брат собрался с женою и поехали на именины: смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть!

Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата:

– Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?

Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому.

«Дай, – думает, – поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе, – пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться».

Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть, – а уж Горе выскочило и уселось ему на шею.

– А, – кричит, – ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану.

– Послушай, Горе! – сказал купец. – Вовсе не я засадил тебя под камень...

– А кто же, как не ты?

– Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтоб тебя выпустить.

– Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!

Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь да вкось. Горе уж с утра за свое принимается: каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло.

«Этак несходно жить! – думает про себя купец. – Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал, думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца во втулку. Приходит к Горю:

– Что ты, Горе, все на боку лежишь?

– А что ж мне больше делать?

– Что делать! Пойдем на двор в гулючки играть.

А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался – Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться.

– Ну, – говорит, – меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!

– Куда тебе! – отвечает купец. – Ты в это колесо не влезешь, а то – в щель!

– В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!

Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил во втулку дубовый клин, поднял

колесо и забросил его вместе с Горем в реку.

Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

Горшеня

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич:

- Мир по дороге!

Горшеня оглянулся:

- Благодарим, просим со смиреньем.

- Знать, вздремал?

- Вздремал, великий государь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет.

- Экой ты смелый, горшеня! Люблю эдаких. Ямщик! Поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?

- Сызмолоду, да вот и середовой стал.

- Кормишь детей?

- Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет.

- Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа.

- Да, ваше царское величество! На свете есть три худа.

- А какие три худа, горшенюшка?

- Первое худо - худой шабер, а второе худо - худая жена, а третье худо - худой разум.

- А скажи мне, которое худо всех хуже?

- От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь - все с тобой.

- Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!

- Годится, так покину, как придет! А то и наголо.

- Ну, горшеня, стой на час! Я погляжу твою посуду.

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны.

- Ты наделаешь мне эдаких?

- Сколько угодно вашему царскому величеству?

- Вozов десяток надо.
- Много ли дашь времени?
- Месяц.
- Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня.
- Спасибо, горшенюшка!
- А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?
- Буду в доме у купца в гостях.

Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему:

- Бог за товаром, горшеня!
- Просим покорно.
- Продай мне весь товар.
- Нельзя, по заказу.
- А что тебе, ты бери деньги – не повинят из этого, коли не дал задатку под работу. Ну, что возьмешь?
- А вот что: каждую посудину насыпать полную денег.
- Полно, горшенюшка, много!
- Ну хорошо: одну насыпать, а две отдать – хочешь?

И сладили.

- Ты для меня, а я для тебя.

Насыпают да высыпают. Сыпали, сыпали – денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют – товару все много.

- Как быть, горшенюшка?
- Ну что? Нечего делать, я тебя уважу, только знаешь что? Свези меня на себе до этого двора – отдам и товар и все деньги.

Боярин мямля, мямля: жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего – сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярин: в споре дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет.

- До каких же мест везти тебя?
- Вот до этого двора и до этого дому.

Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услышал, выбег на крыльцо – признал горшеню.

– Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!

– Благодарю, ваше царское величество.

– Да на чем ты едешь?

– На худом-то разуме, государь.

– Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать. Боярин, скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, – кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай строевую одежду. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил. А ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?

– Прилетали.

– Перышки ощипал, а по правильному покинул?

– Нет, наголо, великий государь, – всего ощипал.

Гуси-лебеди

Жили мужик да баба. У них была дочка да сынок маленький.

– Доченька, – говорила мать, – мы пойдем на работу, береги братца! Не ходи со двора, будь умницей – мы купим тебе платочек.

Отец с матерью ушли, а дочка позабыла, что ей приказывали: посадила братца на травке под окошко, сама побежала на улицу, заигралась, загулялась.

Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крыльях.

Вернулась девочка, глядь – братца нету. Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Она его кликала, слезами заливалась, причитывала, что худо будет от отца с матерью, – братец не откликнулся.

Выбежала она в чистое поле и только видела: метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Тут она догадалась, что они унесли ее братца: про гусей-лебедей давно шла дурная слава – что они пошаливали, детишек уносили.

Бросилась девочка догонять их. Бежала, бежала, увидела – стоит печь.

– Печка, печка, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

Печка ей отвечает:

– Съешь моего ржаного пирожка – скажу.

– Стану я ржаной пирог есть! У моего батюшки и пшеничные не едятся...

Печка ей не сказала.

Побежала девочка дальше – стоит яблоня.

- Яблоня, яблоня, скажи, куда гуси-лебеди полетели?

- Поешь моего лесного яблочка – скажу.

- У моего батюшки и садовые не едятся...

Яблоня ей не сказала.

Побежала девочка дальше. Течет молочная река в кисельных берегах.

- Молочная река, кисельные берега, куда гуси-лебеди полетели?

- Поешь моего простого киселька с молочком – скажу.

- У моего батюшки и сливочки не едятся...

Долго она бегала по полям, по лесам. День клонится к вечеру, делать нечего – надо идти домой.

Вдруг видит – стоит избушка на курьей ножке, об одном окошке, кругом себя поворачивается...

В избушке старая Баба-яга прядет кудель. А на лавочке сидит братец, играет серебряными яблочками.

Девочка вошла в избушку:

- Здравствуй, бабушка!

- Здравствуй, девица! Зачем на глаза явилась?

- Я по мхам, по болотам ходила, платье измочила, пришла погреться.

- Садись покуда кудель прясть.

Баба-яга дала ей веретено, а сама ушла. Девочка прядет – вдруг из-под печки выбегает мышка и говорит ей:

- Девица, девица, дай мне кашки, я тебе добренькое скажу.

Девочка дала ей кашки, мышка ей сказала:

- Баба-яга пошла баню топить. Она тебя вымоет-выпарит, в печь посадит, зажарит и съест, сама на твоих костях покатается.

Девочка сидит ни жива ни мертва, плачет, а мышка ей опять:

- Не дожидайся, бери братца, беги, а я за тебя кудель попряду.

Девочка взяла братца и побежала. А Баба-яга подойдет к окошку и спрашивает:

- Девица, прядешь ли?

Мышка ей отвечает:

- Пряду, бабушка...

Баба-яга баню вытопила и пошла за девочкой.

А в избушке нет никого. Баба-яга закричала:

- Гуси-лебеди! Летите в погоню! Сестра братца унесла!..

Сестра с братцем добежала до молочной реки. Видит - летят гуси-лебеди.

- Речка-матушка, спрячь меня!

- Поешь моего простого киселька.

Девочка поела и спасибо сказала. Река укрыла ее под кисельным бережком. Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо. Девочка с братцем опять побежала. А гуси-лебеди воротились, летят навстречу, вот-вот увидят. Что делать? Беда! Стоит яблоня...

- Яблоня-матушка, спрячь меня!

- Поешь моего лесного яблочка.

Девочка поскорее съела и спасибо сказала. Яблоня ее заслонила ветвями, прикрыла листьями. Гуси-лебеди не увидели, пролетели мимо. Девочка опять побежала. Бежит, бежит, уж недалеко осталось. Тут гуси-лебеди увидели ее, загготали - налетают, крыльями бьют, того гляди, братца из рук вырвут.

Добежала девочка до печки:

- Печка-матушка, спрячь меня!

- Поешь моего ржаного пирожка.

Девочка скорее пирожок в рот, а сама с братцем - в печь, села в устье.

Гуси-лебеди полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели к Бабе-яге.

Девочка сказала печи спасибо и вместе с братцем прибежала домой. А тут и отец с матерью пришли.

Жена-доказчица

Жил-был старик со старухой. Не умела старуха языка держать на привязи: бывало, что ни услышит от мужа - сейчас вся деревня узнает...

Вот одна пошел старик в лес за дровами; ступил в одном месте ногою - нога провалилась.

- Что за притча! Дай-ка я стану рыть, может, на мое счастье, что и найдется.

Взялся за лопату; копнул раз, другой, третий - и вырыл котел, полнехонек золота.

- Слава богу! Только как домой взять? От жены не укроешься, она всему свету разблаговестит; еще беды наживешь!

Подумал-подумал, зарыл котел в землю и пошел в город, купил щуку да живого зайца, щуку повесил на дерево - на самую верхушку, а зайца посадил в морду. Приходит в избу:

- Ну, жена, какое мне счастье Бог послал, только тебе сказать-то нельзя: пожалуй, всем разболтаешь!

- Скажи, старичок, - пристаёт баба, - право слово - никому не заикнусь; хочешь - побожусь, образ сниму да поцелую.

- Вот что, старуха: нашел я в лесу полон котел золота.

- Экой ты! Пойдем поскорее, домой унесем...

- Смотри же, старая! Никому не рассказывай, не то беду наживем.

- Небось, ты только не рассказывай, а я не скажу!

Повел мужик бабу, дошел до того места, где щука на дереве висит, остановился, поднял вверх голову и смотрит.

- Ну, что глазеешь? Пойдем скорее!

- Да разве не видишь? Глянь, щука на дереве выросла!

- Ой ли! Полезай за нею: ужотка на ужин зажарим.

Старик слазил на дерево и достал щуку. Пошли дальше. Шли, шли:

- Дай, старая, к реке сбегая, в морды посмотрю.

Заглянул в морду и давай жену звать:

- Глянь-ка, заяц в морду попал!

- А коли попал, бери его поскорей - к празднику на обед пригодится.

Взял старик зайца и привел старуху в лес; отрыли вдвоем котел с золотом и потащили домой. Дело было к вечеру; совсем потемнело.

- Старик, а старик! - говорит баба. - Никак овцы режут?

- Какие овцы! То нашего барина черти дерут.

Шли, шли, старуха опять говорит:

- Старик, а старик! Никак коровы режут?

- Какие коровы! То нашего барина черти дерут.

Шли, шли; стали к деревне подходить, старуха старику говорит:

- Никак волки режут?

- Какие волки! То нашего барина черти дерут.

Разбогатели старик со старухой. Вздурилась старуха пуще прежнего, пошла каждый день гостей зазывать да такие пиры подымать, что муж хоть из дому беги. Совсем от рук отбилась и слушаться перестала. Ругается:

- Постой! Узнаешь меня. Ты хочешь все золото себе забрать; нет, врешь! Я тебя упеку, в Сибири места не сыщешь! Сейчас пойду к барину!

Побежала к барину, завывала-заплакала:

- Так и так, - говорит, - нашел муж полон котел золота и с той самой поры начал крепко вином зашибать. Я было его уговаривать, а он меня колотить: таскал, таскал за косу, еле из рук вырвалась! Прибежала к вашей милости мое горе объявить, на негодного мужа челом бить: отберите у него все золото, чтоб работал, а не пьянствовал!

Барин позвал несколько дворовых людей и пошел к старику. Приходит в избу и закричал на него:

- Ах ты, мошенник этакий! Нашел на моей земле целый котел золота - сколько времени прошло, а мне до сих пор не доложил! Начал пьянствовать, разбойничать да жену тиранить! Подавай сейчас золото...

- Смилуйся, боярин, - отвечает старик, - я знать не знаю, ведать не ведаю: никакого золота не находил.

- Врешь ты, бесстыжие твои глаза! - напустилась на него старуха. - Пойдемте, барин, за мною; я покажу, где деньги спрятаны.

Приводит к сундуку, подняла крышку - нет ничего, пустехонек.

- Ах он плут! Пока я ходила, в иное место перепрятал.

Тут барин пристал к старику:

- Покажи золото!

- Да где ж мне его взять? Извольте про все доподлинно допросить мою старуху.

- Ну, голубушка, расскажи мне толком, хорошенько: где и в какое время найден котел с золотом?

- Да вот, барин, - начала старуха, - шли мы лесом - еще в те поры шуку на дереве поймали...

- Опомнись, - говорит старик, - ведь ты заговариваешься!

- Нет, я не заговариваюсь, а правду сказываю, еще тут же мы зайца из морды вынули...

- Ну, пошла! Чай, теперь сам, барин, слышишь! Ну как можно, чтобы звери в реке водились, а рыба в лесу на дереве плодилась?

- Так, по-твоему, того не было? А помнишь, как мы назад шли, я сказала: «Никак овцы ревут?» А ты отвечал: «То не овцы ревут, то нашего барина черти дерут!»

- С ума спятила.

- Я опять сказала: «Никак коровы ревут?» А ты: «Какие коровы! То нашего барина черти дерут». А как стали подъезжать к деревне, мне почудилось, что волки ревут, а ты сказал: «Какие волки! То нашего барина черти дерут...»

Барин слушал, слушал, осерчал и ну толкать в шею старуху.

Жена-спорщица

Была у одного мужа жена, да только такая задорная, что все ему наперекор говорила...

Надоела жена мужу, вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладина. «Постой, – думает он, – вот теперь-то я ее изведу».

Как стала она переходить по перекладине, он и говорит:

– Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!

– Так вот же нарочно буду!

Тряслась, тряслась да и бултых в воду! Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде вверх по течению.

– Что ты тут ищешь? – говорят ему прохожие мужики.

– А вот жена утонула, вон с этой перекладины упала.

– Дурак, дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло.

– Эх, братцы, молчите; она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды.

Журавль и цапля

Жили-были журавль да цапля, построили себе по концам болота избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться.

– Давай пойду посватаюсь к цапле!

Пошел журавль – тят-тят! Семь верст болото месил, приходит и говорит:

– Дома ли цапля?

– Дома.

– Выдь за меня замуж.

– Нет, журавль, не пойду за тебя замуж, у тебя ноги долги, платье коротко, прокормить жену нечем. Ступай прочь, долговязый!

Журавль, как несолоно похлебал, ушел домой. Цапля после раздумалась и сказала:

– Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

– Журавль, возьми меня замуж!

– Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не возьму тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала от стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

- Напрасно не взял за себя цаплю: ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж.

Приходит и говорит:

- Цапля, я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

- Нет, долговязый, нейду за тебя замуж!

Пошел журавль домой. Тут цапля раздумалась:

- Зачем отказала такому молодцу: одной-то жить невесело, лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один к другому свататься, да никак не женятся.

За лапоток - курочку, за курочку - гусочку

Шла лиса по дорожке и нашла лапоток, пришла к мужику и просится: «Хозяин, пусти меня ночевать». Он говорит: «Некуда, лисонька! Тесно!» - «Да много ли нужно мне места! Я сама на лавку, а хвост под лавку». Пустили ее ночевать; она и говорит: «Положите мой лапоток к вашим курочкам». Положили, а лисонька ночью встала и забросила свой лапоть. Поутру встают, она и спрашивает свой лапоть, а хозяева говорят: «Лисонька, ведь он пропал!» - «Ну, отдайте мне за него курочку».

Взяла курочку, приходит в другой дом и просит, чтоб ее курочку посадили к хозяйским гуськам. Ночью лиса припрятала курочку и получила за нее утром гуська. Приходит в новый дом, просится ночевать и говорит, чтоб ее гуська посадили к барашкам; опять схитрила, взяла за гуська барашка и пошла еще в один дом. Осталась ночевать и просит посадить ее барашка к хозяйским бычкам. Ночью лисонька украла и барашка, а поутру требует, чтобы за него отдали ей бычка.

Всех - и курочку, и гуська, и барашка, и бычка - она передушила, мясо припрятала, а шкуру бычка набила соломой и поставила на дороге. Идет медведь с волком, а лиса говорит: «Подите, украдите сани да поедemте кататься». Вот они украли и сани и хомут, впрягли бычка, сели все в сани; лиса стала править и кричит: «Шню, шню, бычок, соломенный бочок! Сани чужие, хомут не свой, погоняй - не стой!» Бычок нейдет. Она выпрыгнула из саней и закричала: «Оставайтесь, дураки!» - а сама ушла. Медведь с волком обрадовались добыче и ну рвать бычка; рвали-рвали, видят, что одна шкура да солома, покачали головами и разошлись по домам.

Заяц-хваста

Жил-был заяц в лесу: летом ему было хорошо, а зимой плохо - приходилось к крестьянам на гумно^[6] ходить, овес воровать.

Приходит он однажды к одному крестьянину на гумно, а тут уж стадо зайцев. Вот и начал им хвастать:

- У меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи - я никого не боюсь.

Зайцы рассказали тетке вороне про эту хвасту. Тетка ворона пошла хвасту разыскивать и нашла его под кокоринной. Заяц испугался:

– Тетка ворона, я больше не буду хвастать!

– А как ты хвастал?

– А у меня не усы, а усищи, не лапы, а лапищи, не зубы, а зубищи.

Вот она его маленько и потрепала:

– Больше не хвастай!

Раз сидела ворона на заборе, собаки ее подхватили и давай мять, а заяц это увидел: «Как бы вороне помочь?»

Выскочил на горочку и сел. Собаки увидели зайца, бросили ворону – да за ним, ворона опять на забор. А заяц от собак ушел.

Немного погодя ворона опять встретила этого зайца и говорит ему:

– Вот ты молодец, не хваста, а храбрец!

Зимовье зверей

У старика со старухой были бык, баран, свинья, гусь да петух.

Вот старик и говорит старухе:

– А что, старуха, с петухом-то нам нечего делать, зарежем его к празднику.

Услыхал это петух и ночью в лес убежал.

Вечером опять говорит старик старухе:

– Не нашел я петуха, придется нам свинью заколоть!

Услыхала это свинья и ночью в лес убежала.

Старик искал-искал свинью – не нашел.

– Придется барана зарезать!

Баран услышал это и говорит гусю:

– Убежим в лес, а то зарежут и тебя и меня!..

Вышел старик на двор – нет ни барана, ни гуся...

– Придется, видно, быка зарезать.

Услышал это бык и убежал в лес.

Летом в лесу привольно... Но прошло лето, и пришла зима.

Вот бык пошел к барану:

- Как же, братцы-товарищи? Время приходит студеное – надо избу рубить.

Баран ему отвечает:

- У меня шуба теплая, я и так перезимую.

Пошел бык к свинье:

- Пойдем, свинья, избу рубить!

- А по мне хоть какие морозы – я не боюсь: зарюсь в землю и без избы перезимую.

Пошел бык к гусю:

- Гусь, пойдем избу рубить!

- Нет, не пойду. Я одно крыло постелю, другим накроюсь – меня никакой мороз не проймет...

Бык видит: дело плохо. И срубил себе избушку один. Затопил печку и полеживает, греется.

А зима завернула холодная, стали пробирать морозы. Баран бегал, бегал, согреться не может – и пошел к быку.

- Бэ-э! Бэ-э! Пусти меня в избу!

- Нет, баран. Я тебя звал избу рубить, так ты сказал, что у тебя шуба теплая, ты и так перезимуешь.

- А коли непустишь, я разбегусь, вышибу дверь с крючьев, тебе же будет холоднее.

Бык думал-думал: «Дай пущу, а то застудит он меня».

Немного погода прибежала свинья.

- Хрю! Хрю! Пусти меня, бык, погреться!

- Нет, свинья, я тебя звал избу рубить, так ты сказала, что тебе хоть какие морозы – ты в землю зароешься.

- А непустишь, я рылом все углы подрою, твою избу уроню!

Бык подумал-подумал: «Подроем она углы, уронит избу».

- Ну, заходи.

(А потом пустил гуся и петуха.)

Вот они живут себе – впятером – поживают. Узнали про это волк и медведь. Собрались и пришли. Волк говорит медведю:

- Иди ты вперед, ты здоровый.

- Нет, я ленив, ты шустрей меня, ты иди вперед.

Волк и пошел в избушку. Только вошел – бык рогами его к стене и припер. Баран разбежался – бац, бац, начал осаживать волка по бокам. А свинья в подполье кричит:

– Хрю-хрю-хрю! Ножи точу, топоры точу, живого съест волка хочу!

Гусь его за бока щиплет, а петух бегаёт по бруссу да кричит:

– А вот как, да куда-к, да подайте его сюда! И ножичко здесь, и гужишко здесь... Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!

Медведь услышал крик – да бежать. А волк рвался, рвался, насилиу вырвался, догнал медведя и рассказывает:

– Как вскочил мужичище, в черном армячище, да меня ухватом-то к стене и припер. А поменьше мужичишка, в сереньком армячишке, меня обухом по бокам да все обухом по бокам. А еще поменьше того, в беленьком кафтанишке, меня щипцами за бока хватал. А самый маленький мужичишка, в красненьком халатишке, бегаёт по бруссу да кричит: «Здесь его и зарежу, здесь его и подвешу!» А из подполья еще кто-то как закричит: «Ножи точу, топоры точу, живого съест его хочу!»

Волк и медведь с той поры к избушке близко не подходили. А бык, баран, гусь, свинья да петух живут там, поживают и горя не знают.

Иван Быкович[7]

Внекотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они Бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает, коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого.

На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первой ж тонею попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидела царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбаку подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки.

– На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся.

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помой на двор выставила; по двору ходила корова, те помой выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подликала.

У царицы родился Иван-царевич, у кухарки – Иван, кухаркин сын, у коровы – Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам; как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три молодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто – кухаркино и кто от коровы родился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и

говорят:

- Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов.

Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван, кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор.

- Ну, братцы, - говорит Иван-царевич, - давайте силу пробовать; кому быть большим братом.

- Ладно, - отвечал Иван Быкович, - бери палку и бей нас по плечам.

Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана, кухаркина сына, да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван, кухаркин сын, ударил - вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил - вбил обоих братьев по самую шею.

- Давайте, - говорит царевич, - еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит - тот будет больший брат.

- Ну что ж, бросай ты!

Иван-царевич бросил - палка через четверть часа назад упала, Иван, кухаркин сын, бросил - палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил - только через час воротилась.

- Ну, Иван Быкович, будь ты большой брат.

После того пошли они гулять по саду и нашли громадный камень.

- Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть? - сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился, возился - нет, не берет сила.

Попробовал Иван, кухаркин сын, - камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович:

- Мелко же вы плаваете! Пойдите, я попробую.

Подошел к камню да как двинет его ногою - камень ажно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырских, по стенам висит сбруя ратная: есть на чем добрым молодцам разгуляться!

Тотчас побежали они к царю и стали проситься:

- Государь-батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать.

Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо - повертывается.

- Избушка, избушка, повернись к нам передом, к лесу задом; нам в тебя лезти, хлеба-соли ести.

Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку – на печке лежит Баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок.

- Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится.

- Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы. Я добренько скажу.

Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко:

- Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?

- Едем мы, бабушка, на реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет.

- Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покати.

Братья переночевали у Бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее – пустехонька, и вздумали тут остановиться.

Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович:

- Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить.

Кинули жеребий – доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую – Ивану, кухаркину сыну, а третью – Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы закричали – выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепнулся, позади хорт ошетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое:

- Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ошетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился; я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет!

Выскочил Иван Быкович:

- Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра молодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится.

Вот сошлись они – поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы.

- Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху.

- Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем.

Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич.

- Ну что, не видал ли чего?

- Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала.

На другую ночь отправился на дозор Иван, кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за полночь – он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост.

Вдруг на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепнулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

- Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!

Выскочил Иван Быкович:

- Погоди – не хвались, прежде Богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще неведомо – чья возьмет!

Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил – по колена его в сыру землю вогнал.

Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище – рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил.

Наутро приходит Иван, кухаркин сын.

- Что, брат, не видал ли за ночь чего?

- Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!

Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить:

- Эх вы, сони, где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать!

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям:

- Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит – ладно дело, если полна миска набежит – все ничего, а если через край польет – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и

сами спешите на помощь мне.

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за полночь, на реке воды взволновались, на дубах орлы раскричались – выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива – золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся; черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ошетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, ворона по перьям, хорта по ушам:

– Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился – так на войну не сгодился, я только дуну – его и праху не останется!

Выскочил Иван Быкович.

– Погоди – не хвались, прежде Богу помолись!

– А, ты здесь! Зачем пришел?

– На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать.

– Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!

Отвечает Иван Быкович:

– Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать.

Размахнулся своим острым мечом и срубил чуду-юду три головы.

Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем – и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу; чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю.

– Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замирение делают; а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз.

Чудо-юдо согласился; Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильнее прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю.

Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья все спят, ничего не слышат.

В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем – головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи.

Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по бревнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули – кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помощь спешат.

- А! - говорит чудо-юдо, - ты обманом живешь; у тебя помочь есть.

Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чудо-юдо огненный палец. После того давай рубить ему головы: сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину.

Прибегают братья.

- Эх вы, сони! - говорит Иван Быкович. - Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился.

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать:

- Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьев моих извел.

- Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим, - говорят чудо-юдовы жены.

- Вот я, - говорит меньшая, - напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет - тот сейчас лопнет.

- А я, - говорит середняя, - напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать: одна золотая, другая серебряная; кто за чашу возьмется - того я утоплю.

- А я, - говорит старшая, - сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою; кто на кроватке ляжет - тот огнем сгорит.

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой.

Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь - стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван, кухаркин сын, пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест - только кровь брызжет!

То же сделал он и с колодезем и с золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены.

Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьями; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу:

- Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню.

Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берется за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись - нет ни старухи, ни Ивана Быковича - и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу - старому старику.

- На тебе, - говорит, - нашего погубителя!

Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать:

– Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?

Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул:

– Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?

– Твоя воля, что хочешь, то и делай, я на все готов.

– Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу – золотые кудри, я хочу на ней жениться.

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, молодцу!»

А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась.

– Вот тебе, Ванюша, дубинка, – говорит старик, – ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: «Выйди, корабль! Выйди, корабль! Выйди, корабль!» Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую.

Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него дубинкою бессчетное число раз и приказывает:

– Все, что есть, выходи!

Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул:

– Все за мной! – и поехал в путь-дорогу.

Отъехав немного, оглянулся назад – и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят. Подъезжает к нему старичок в лодке:

– Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, хлеб есть.

Иван Быкович сказал:

– Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад.

Подъезжает в лодке другой старичок:

– Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой.

– А ты что умеешь?

– Умею, батюшка, вино-пиво пить.

- Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль.

Подъезжает третий старичок:

- Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня.

- Говори: что умеешь?

- Я, батюшка, умею в бане париться.

- Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!

Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок:

- Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи.

- Да ты кто такой?

- Я, батюшка, звездочет.

- Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем.

Принял четвертого, просится пятый старичок.

- Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?

- Я, батюшка, умею ершом плавать.

- Ну, милости просим!

Вот поехали они за царицей – золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно следили, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидел Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива, удивляется и спрашивает:

- Что б это значило?

- Это все для тебя наготовлено.

- Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить.

Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать:

- Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть понимает?

Отзываются Обьедайло да Опивайло:

- Мы, батюшка! Наше дело ребячье.

- А ну, принимайтесь за работу!

Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваемы, а целыми возами. Все приел и ну кричать:

- Мало хлеба, давайте еще!

Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, все выпил и бочки проглотил.

- Мало, - кричит. - Подавайте еще!

Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина не достало.

А царица - золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана Быковича в баню париться; он увидел, что от бани огнем пышет, и говорит:

- Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!

Тут ему опять вспомнилось:

- Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?

Подбежал старик:

- Я, батюшка! Мое дело ребячье.

Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул - вся баня остыла, а в углах снег лежит.

- Ох, батюшки, замерз, топите еще три года! - кричит старик что есть мочи.

Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла, а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу - золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжело - ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела на небо.

- Ну, - говорит Иван Быкович, - совсем пропала! - Потом вспомнил: - Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?

- Я, батюшка! Мое дело ребячье, - отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездой, полетел на небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка со своего места, быстро покатила по небу, упала на корабль и обернулась царицею - золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» - думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать:

- Ты, что ль, горазд ершом плавать?

- Я, батюшка, мое дело ребячье! - Ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею - золотые кудри.

Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудо-юдову отцу.

Приехал к нему с царицею - золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит:

- Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу.

- Нет, погоди, - отвечает Иван Быкович, - не подумавши сказал!

- А что?

- Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет!

- Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед.

Иван Быкович пошел по жердочке, а царица - золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединоного пройди!»

Иван Быкович прошел - и жердочка не погнулась; а старый старик пошел - только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу - золотые кудри и воротился домой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется:

- Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!

На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

Иванушка-дурачок

Был-жил старик со старухой; у них было три сына: двое умных, третий - Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку:

- На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям.

День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидел свою тень сбоку и думает: «Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает: верно, клецок захотел?»

И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

- Эка ненасытная утроба! - сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком - разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

- Ты, дурак, зачем?

- Вам обед принес.

- Где же обед? Давай живее.

- Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек да все и поел!

- Какой такой человек?

- Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти; видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать. Всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал.

Братья пообедали, воротились в поле.

- Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

- Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, а я и придумал: стал их ловить, в кучу собирать, глаза выдирать - во как умаялся!

- Постой, еще не так умаешься! - говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много ни мало прошло времени; послали старики Иванушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет - не везет! «А что, - думает себе Иванушка, - ведь у лошади четыре ноги, и у стола тоже четыре, так стол-от и сам добежит».

Взял стол и выставил на дорогу.

Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да все каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались!» - подумал дурачок. Выставил блюда с яствами наземь и начал потчевать:

- Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье.

А сам все вперед да вперед подвигается. Едет Иванушка перелеском; по дороге все пни обгорелые. «Эх, - думает, - ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги.

Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» - и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

- Что ж ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом, да прямо в голову - и убил наповал.

Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет - ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак!» - бросил их и ну топтать да приговаривать:

- Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

– Все искупил, братики!

– Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

– А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойло лошади посолил, а ложки дразнятся – так я их на дороге покинул.

– Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге.

Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких – и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать.

Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

– Пиво, не броди! Дурака не дразни! – говорит Иванушка.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушка и ну кричать:

– Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

– Постой, дурак, – сказал барин, – я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду.

Пришли братья, спустили куль под лед и слушают; а в воде так и буркает.

– Знать, бурка ловит! – проговорили братья и побрели домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает:

– Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко – такой славный!

Завидно стало братьям, говорят дураку:

– Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...

Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать.

Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

Иван-царевич и серый волк

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном.

И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками.

Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить похитника.

Царь перестал и пить, и есть – затосковал. Сыновья отца утешают:

– Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

– Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад от похитника.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечера, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул.

Утром царь его спрашивает:

– Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника?

– Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

На другую ночь пошел средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошел Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит, он росой с травы умоется, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит – на яблоню села Жар-птица и клюет золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепенулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от ее хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

– Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

– Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принес. Это, батюшка, Жар-птица.

Царь взял это перо и с той поры стал пить и есть и печали не знать.

Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице. Позвал он сыновей и говорит им:

– Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поездили бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с

коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит – коня нет. Пошел его искать, ходил, ходил и нашел своего коня – одни кости обглоданные.

Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль? «Ну что же, – думает, – взялся – делать нечего».

И пошел пеший.

Шел, шел, устал до смерточки. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит.

Откуда ни возьмись, бежит к нему Серый Волк:

– Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

– Как же мне не печалиться, Серый Волк? Остался я без доброго коня.

– Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

– Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

– Фу, фу, тебе на своем добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живет. Так и быть – коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, Серый Волк и поскакал – синие леса мимо глаз пропускает, озера хвостом замечает.

Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый Волк и говорит:

– Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся – час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем – на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая – золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что Волк ему наказывал. Только дотронулся до клетки, пошел по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

– Чей ты, откуда?

– Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

– Ай, срам какой! Царский сын да пошел воровать.

– А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

– А ты бы пришел ко мне, по совести попросил, я бы ее так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да

ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идет к Серому Волку. А Волк ему:

- Я же тебе говорил: не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?
- Ну прости же ты меня, прости, Серый Волк.
- То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал Серый Волк с Иваном-царевичем.

Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

- Полежай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай.

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашел на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку – она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошел звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

- Чей ты, откуда?

- Я Иван-царевич.

- Эка, за какие глупости взялся – коня воровать! На это и простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить ее, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Еще пуще пригорюнился Иван-царевич, пошел к Серому Волку.

- Говорил я тебе, Иван-царевич: не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.
- Ну, прости же меня, прости, Серый Волк.
- То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал Серый Волк с Иваном-царевичем. Добегают они до царя Далмата. У него в крепости, в саду, гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый Волк говорит:

- В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путем-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошел обратно путем-дорогой, а Серый Волк перемахнул через стену – да в сад. Засел за куст и глядит. Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, Серый Волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину – и наутек.

Иван-царевич идет путем-дорогой, вдруг настигает его Серый Волк, на нем сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а Серый Волк ему:

- Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался Серый Волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой – синие леса мимо глаз пропускает, реки, озера хвостом замечает.

Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый Волк спрашивает:

- Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

- Да как же мне, Серый Волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой! Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый Волк отвечает:

- Не разлучу я тебя с такой красотой – спрячем ее где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и води меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый Волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повел его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

- Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на этого коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял ее, посадил на коня, и едут они путем-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, повел он Елену Прекрасную в спальню, да только лег с ней на кровать, глядит – волчья морда вместо молодой жены!

Царь со страху свалился с кровати, а Волк удрал прочь.

Нагоняет Серый Волк Ивана-царевича и спрашивает:

- О чем задумался, Иван-царевич?

- Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем – конем златогривым, менять его на Жар-птицу.

- Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

- Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конем златогривым, ты меня и води к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый Волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конем. Иван-царевич повел его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пешком в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путем-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дареного коня и только хотел сесть на него – конь

обернулся Серым Волком. Царь, со страху, где стоял, там и упал, а Серый Волк пустился наутек и скоро догнал Ивана-царевича.

- Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил Серого Волка. А тот говорит:

- Не навек прощайся со мной, я еще тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты еще пригодишься? Все желания мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей.

Доехал он до своих краев, вздумалось ему пополднеть. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками.

Наехали и видят - у Ивана-царевича все добыто. Вот они и сговорились:

- Давай убьем брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили ее:

- Дома не рассказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уж вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал Серый Волк и схватил ворона с вороненком.

- Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой. Принесешь мне живой и мертвой воды, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а Волк держит его вороненка.

Долго ли ворон летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый Волк sprыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу - раны зажили; sprыснул его живой водой - Иван-царевич ожил.

- Ох, крепко же я спал!..

- Крепко ты спал, - говорит Серый Волк. - Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей.

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их Серый Волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился Серому Волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привез отцу своему Жар-птицу, а себе - невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как

помог ему Серый Волк достать добычу, да как братья убили его, сонного, да как Серый Волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

Как мужик гусей делил

У одного бедного мужика не стало хлеба. Вот он и задумал попросить хлеба у барина. Чтобы было с чем идти к барину, он поймал гуся, изжарил его и понес. Барин принял гуся и говорит мужику:

– Спасибо, мужик, тебе за гуся; только не знаю, как мы твоего гуся делить будем. Вот у меня жена, два сына да две дочери. Как бы нам разделить гуся без обиды?

Мужик говорит:

– Я разделю.

Взял ножик, отрезал голову и говорит барину:

– Ты всему дому голова – тебе голова.

Потом отрезал задок, подает барыне.

– Тебе, – говорит, – дома сидеть, за домом смотреть – тебе задок.

Потом отрезал лапки и подает сыновьям.

– Вам, – говорит, – ножки – топтать отцовские дорожки.

А дочерям крылья.

– Вы, – говорит, – скоро из дома улетите, вот вам по крылышку. А остаточки себе возьму!

И взял всего гуся.

Барин посмеялся, дал мужику хлеба и денег.

Услыхал богатый мужик, что барин за гуся наградил бедного мужика хлебом и деньгами, зажарил пять гусей и понес к барину.

Барин говорит:

– Спасибо за гусей. Да вот у меня жена, два сына, две дочки – всех шестеро. Как бы нам поровну разделить твоих гусей?

Стал богатый мужик думать и ничего не придумал.

Послал барин за бедным мужиком и велел делить.

Бедный мужик взял одного гуся, дал барину с барыней и говорит:

– Вот вас трое с гусем.

Одного дал сыновьям:

- И вас, - говорит, - трое.

Одного дал дочерям:

- И вас трое.

А себе взял двух гусей.

- Вот, - говорит, - и нас трое с гусями, - все поровну.

Барин посмеялся и дал бедному мужику еще денег и хлеба, а богатого прогнал.

Каша из топора

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь». - «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» - «Где хошь, там и заночуешь». - «Ах ты, старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» - «Да нечего, родимый!» - «Вари кашу!» - «Да не из чего, родимый!» - «Давай топор; я из топора сварю». - «Что за диво! - думает баба. - Дай посмотрю, как из топора солдат кашу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил, варил, попробовал и говорит: «Всем бы каша взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашу есть». Похлебали вдвоем кашу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» - «Да вишь, он еще не уварился, - отвечал солдат, - где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашицы поел, и топор унес!

Колобок

Жили-были старик со старухой. Вот и просит старик:

- Испеки мне, старая, Колобок.

- Да из чего испечь-то? Муки нет.

- Эх, старуха! По амбару помети, по сусечкам поскреби - вот и наберется. Старушка так и сделала: намела, наскребла горсти две муки, замесила тесто на сметане, скатала Колобок, изжарила его в масле и положила на окно простынуть.

Надоело Колобку лежать: он и покатился с окна на лавку, с лавки на пол да к двери, прыг через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, а там и за ворота, дальше и дальше.

Катится Колобок по дороге, а навстречу ему заяц:

- Колобок, Колобок! Я тебя съем!

- Нет, не ешь меня, косой, а лучше послушай, какую я тебе песенку спою.

Заяц уши поднял, а Колобок запел:

Я Колобок, Колобок!
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
От тебя, зайца,
Не хитро уйти.

И покатился Колобок дальше – только его заяц и видел.

Катится Колобок по тропинке в лесу, а навстречу ему Серый Волк:

– Колобок, Колобок! Я тебя съем!

– Не ешь меня, Серый Волк: я тебе песенку спою.

И Колобок запел:

Я Колобок, Колобок!
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел.
От тебя, волка,
Не хитро уйти.

Покатился Колобок дальше – только его волк и видел.

Катится Колобок по лесу, а навстречу ему медведь идет, хворост ломает, кусты к земле гнет.

– Колобок, Колобок, я тебя съем!

– Ну где тебе, косолапому, съесть меня! Послушай лучше мою песенку.

Колобок запел, а Миша и уши развесил:

Я Колобок, Колобок!
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,

Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От тебя, медведь,
Полгоря уйти.

И покатился Колобок – медведь только вслед ему посмотрел.

Катится Колобок, а навстречу ему лиса:

– Здравствуй, Колобок! Какой ты пригоженький, румяненький!

Колобок рад, что его похвалили, и запел свою песенку, а лиса слушает да все ближе подкрадывается:

Я Колобок, Колобок!
По амбару метен,
По сусечкам скребен,
На сметане мешен,
В печку сажён,
На окошке стужён.
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка ушел,
От медведя ушел,
От тебя, лиса,
Не хитро уйти.

– Какая славная песенка! – сказала лиса. – Да то беда, голубчик, что стара я стала – плохо слышу. Сядь ко мне на мордочку да пропой еще разочек.

Колобок обрадовался, что его песенку похвалили, прыгнул лисе на морду да и запел:

Я Колобок, Колобок!..

А лиса его – гам! – и съела.

Кот и лиса

Жил-был мужик. У этого мужика был кот, только такой баловник, что беда! Надоел он до смерти. Вот мужик думал, думал, взял кота, посадил в мешок и понес в лес. Принес и бросил его в лесу – пускай пропадает.

Кот ходил, ходил и набрел на избушку. Залез на чердак и полеживает себе. А захочет есть – пойдет в лес, птичек, мышей наловит, наестся досыта – и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот пошел кот гулять, а навстречу ему лиса. Увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, такого зверя не видывала!»

Поклонилась лиса коту и спрашивает:

– Скажись, добрый молодец, кто ты таков? Как ты сюда зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть и отвечает:

– Зовут меня Котофей Иванович, я из сибирских лесов прислан к вам воеводой.

– Ах, Котофей Иванович! – говорит лиса. – Не знала я про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала потчевать разной дичинкой, а сама все спрашивает:

– Котофей Иванович, женат ты или холост?

– Холост.

– И я, лисица, – девица. Возьми меня замуж!

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, а кот остался дома.

Бегала, бегала лиса и поймала утку. Несет домой, а навстречу ей волк:

– Стой, лиса! Отдай утку!

– Нет, не отдам!

– Ну, я сам отниму.

– А я скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

– А кто такой Котофей Иванович?

– Разве ты не слыхал? К нам из сибирских лесов прислан воеводой Котофей Иванович! Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы жена.

– Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. А как бы мне на него посмотреть?

– У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не по нраву придется, сейчас съест! Ты приготовь барана да принеси ему на поклон: барана-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы кот тебя не увидал, а то, брат, тебе туго придется!

Волк побежал за бараном, а лиса – домой.

Идет лиса, и повстречался ей медведь:

– Стой, лиса, кому утку несешь? Отдай мне!

– Ступай-ка ты, медведь, подобру-поздорову, а то скажу Котофею Ивановичу, он тебя смерти предаст!

– А кто такой Котофей Иванович?

– А который прислан к нам из сибирских лесов воеводою. Я раньше была лисица-девица, а теперь нашего воеводы – Котофея Ивановича – жена.

- А нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

- У! Котофей Иванович у меня такой сердитый: кто ему не приглянется, сейчас съест. Ты ступай приготовь быка да принеси ему на поклон. Да смотри, быка-то положи на видное место, а сам схоронись, чтобы Котофей Иванович тебя не увидел, а то тебе туго придется!

Медведь пошел за быком, а лиса – домой.

Вот принес волк барана, ободрал шкуру и стоит раздумывает. Смотрит – и медведь лезет с быком.

- Здравствуй, Михайло Иванович!

- Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

- Нет, Михайло Иванович, сам их дожидаю.

- А ты сходи-ка к ним, позови, – говорит медведь волку.

- Нет, не пойду, Михайло Иванович. Я неповоротлив, ты лучше иди.

- Нет, не пойду, брат Левон. Я мохнат, косолап, куда мне!

Вдруг – откуда ни возьмись – бежит заяц. Волк и медведь как закричат на него:

- Поди сюда, косой!

Заяц так и присел, уши поджал.

- Ты, заяц, поворотлив и на ногу скор: сбегай к лисе, скажи ей, что медведь Михайло Иванович с братом Левоном Ивановичем давно уже готовы, ждут тебя-де с мужем, с Котофеем Ивановичем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю прыть. А медведь и волк стали думать, где бы им спрятаться.

Медведь говорит:

- Я полезу на сосну.

А волк ему говорит:

- А я куда денусь? Ведь я на дерево не взберусь. Схорони меня куда-нибудь.

Медведь спрятал волка в кустах, завалил сухими листьями, а сам влез на сосну, на самую макушку, и поглядывает, не идет ли Котофей Иванович с лисой.

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе:

- Медведь Михайло Иванович с волком Левоном Ивановичем прислали сказать, что они давно ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

- Ступай, косой, сейчас будем.

Вот и пошли кот с лисой. Медведь увидел их и говорит волку:

- Какой же воевода-то Котофей Иванович маленький!

Кот сейчас же кинулся на быка, шерсть взъерошил, начал рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится:

- Мау, мау!..

Медведь опять говорит волку:

- Невелик, да прожорлив! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, он и до нас доберется!

Захотелось и волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать. И начал волк потихоньку разгребать листья. Кот услышал, что листья шевелятся, подумал, что это мышь, да как кинется – и прямо волку в морду вцепился когтями.

Волк перепугался, вскочил и давай утекать.

А кот сам испугался и полез на дерево, где сидел медведь.

«Ну, – думает медведь, – увидел он меня!»

Слезать-то было некогда, вот медведь как шмякнется с дерева обземь, все печенки отбил, вскочил – да наутек.

А лисица вслед кричит:

- Бегите, бегите, как бы он вас не задрал!..

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на всю зиму мясом и стали жить да поживать. И теперь живут.

Кочеток и курочка

Жили курочка с кочетком. Пошли они в лес по орехи. Кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочке велел на земле подбирать. Кочеток кидает, а курочка подбирает.

Вот кинул кочеток орешек, попал курочке в глазок.

Курочка пошла – плачет.

Едут мимо бояре и спрашивают:

- Курочка, курочка! Чего ты плачешь?

- Мне кочеток вышиб глазок.

- Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?

- Мне орешня портки разорвала.

- Орешня, орешня! На что ты кочетку портки разорвала?

- Меня козы подглодали.

- Козы, козы! На что вы орешню подглодали?
- Нас пастухи не берегут.
- Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?
- Нас хозяйка блинами не кормит.
- Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?
- У меня свинья опару пролила.
- Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?
- У меня волк поросеночка унес.
- Волк, волк! На что ты у свиньи поросеночка унес?
- Я есть захотел.

Куточка Ряба

Жили себе дед да баба,
И была у них Куточка Ряба.
Снесла куточка яичко:
Яичко не простое,
Золотое.
Дед бил, бил - Не разбил;
Баба била, била - Не разбила.
Мышка бежала,
Хвостиком махнула:
Яичко упало
И разбилось.
Дед и баба плачут;
Куточка кудахчет:
- Не плачь, дед, не плачь, баба.
Я снесу вам яичко другое,
Не золотое - простое.

Летучий корабль

Был себе дед да баба, у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо - в черной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «Кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдам замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц^[8], разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу черных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шел-шел и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда

идешь?» – «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль». – «Разве ты можешь сделать такой корабль?» – «Нет, не сумею!» – «Так зачем же ты идешь?» – «А бог его знает!» – «Ну, если так, – сказал старик, – то садись здесь; отдохнем вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе». – «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» – «Ничего, вынимай; что Бог дал, то и поснедаем!» Дурень развязал торбу – и глазам своим не верит: вместо черных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь, – сказал ему старик, – как бог дурней жалуется! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделен... Давай же выпьем наперед горилки». Во фляжке наместо воды очутилась горилка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же – ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошел к лесу. Подошел к первому дереву, сделал все так, как ему велено: три раза перекрестился, тукнул по дереву секирою^[9], упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него – и корабль полетел по воздуху.

Летел-летел, глядь – лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» – «Здоров, небоже». – «Что ты делаешь?» – «Слушаю, что на том свете делается». – «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели-летели, глядь – идет человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» – «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» – «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – стоит человек с ружьем, прицеливается, а во что – неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно». – «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу верст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» – «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели-летели, глядь – несет человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идешь?» – «Иду, – говорит, – добывать хлеба на обед». – «Да у тебя и так полон мешок за спиною». – «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего». – «Садись-ка с нами!» Обьедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку!» Чего ищешь?» – «Пить хочется, да воды не найду». – «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьешь?» – «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет». – «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели-летели, глядь – идет человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несешь?» – «Да это не простые дрова». – «А какие же?» – «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится». – «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели-летели, глядь – человек несет куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несешь солому?» – «В село». – «Разве в селе-то мало соломы?» – «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь ее – так зараз холодно делается: снег да мороз!» – «Садись и ты с нами!» – «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел: увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошел к кораблю, видит, что на нем все мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донес царю, что на корабле нет ни одного пана, а все черные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед кончится, целующей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый встречный (тот самый, который слушал, что на том свете делается) услышал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» – «Не бойся, – сказал ему скороход, – я за тебя справлюсь». Пришел слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» – отозвался дурень. А товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целующей и живущей воды: «Успею, – думает, – воротиться!» – присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил свое ружье, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принес воду; царь еще из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи свое удалство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печеного хлеба». Первый товарищ услышал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» – «Не бойся, – отвечает Обьедало, – мне еще мало будет!» Пришел слуга, явил царский указ. «Хорошо, – сказал дурень, – давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печеного; Обьедало один все поел. «Эх, – говорит, – мало! Еще б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему по-прежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить». – «Не бойся, – говорит Опивало, – я один за всех выпью; еще мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришел и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Еще б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошел дурень мыться, а за ним следом идет мужик с соломой: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому – и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мерзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поет. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал-думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь». – «Эх ты! – отозвался мужик с вязанкою дров. – А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую штуку, и не бойся!» Пришел слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтраму целый полк войска». – «Добре, зрблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны – тотчас явилось несметное войско: и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидел царь и в свой черед испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.

Лиса и волк

Жили себе дед да баба. Дед и говорит бабе:

- Ты, баба, пеки пироги, а я запрягу сани, поеду за рыбой.

Наловил дед рыбы полный воз. Едет домой и видит: лисичка свернулась калачиком, лежит на дороге.

Дед слез с воза, подошел, а лисичка не ворохнется, лежит как мертвая.

- Вот славная находка! Будет моей старухе воротник на шубу.

Взял дед лису и положил на воз, а сам пошел впереди.

А лисица улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросила всю рыбу и сама потихоньку ушла.

Дед приехал домой и зовет бабу:

- Ну, старуха, знатный воротник привез тебе на шубу!

Подошла баба к возу: нет на возу ни воротника, ни рыбы. И начала она старика ругать:

- Ах ты такой-сякой, еще вздумал меня обманывать!

Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая. Погоревал, погоревал, да что ты будешь делать!

А лисица тем временем собрала на дороге всю рыбу в кучку, села и ест.

Приходит к ней волк:

- Здравствуй, кумушка, хлеб да соль...

- Я ем свой, а ты подальше стой.

- Дай мне рыбки.

- Налови сам да и ешь.

- Да я не умею.

- Эка! Ведь я же наловила. Ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь, сиди да приговаривай: «Ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика!» Так рыба тебя сама за хвост и будет хватать. Как подольше посидишь, так больше наудишь.

Пошел волк на реку, опустил хвост в прорубь, сидит и приговаривает:

- Ловись, рыбка, и мала и велика, ловись, рыбка, и мала и велика!

А лисица ходит около волка и приговаривает:

- Ясни, ясни на небе звезды, мерзни, мерзни, волчий хвост!

Волк спрашивает лису:

– Что ты, кума, все говоришь?

– А я тебе помогаю, рыбку на хвост нагоняю.

А сама опять:

– Ясни, ясни на небе звезды, мерзни, мерзни, волчий хвост!

Сидел волк целую ночь у проруби, хвост у него и приморозило. Под утро хотел подняться – не тут-то было. Он и думает: «Эка, сколько рыбы привалило – и не вытащить!»

В это время идет баба с ведрами за водой. Увидела волка и закричала:

– Волк, волк! Бейте его!

Волк – туда-сюда, не может вытащить хвост. Баба бросила ведра и давай его бить коромыслом. Била-била, волк рвался-рвался, оторвал себе хвост и пустился наутек. «Хорошо же, – думает, – ужо я отплачу тебе, кума!»

А лисичка забралась в избу, где жила эта баба, наелась из квашни теста, голову себе тестом вымазала, выбежала на дорогу, упала и лежит – стонет.

Волк ей навстречу:

– Так вот как ты учишь, кума, рыбу ловить! Смотри, меня всего исколотили...

Лиса ему говорит:

– Эх, куманек! У тебя хвоста нет, зато голова целая, а мне голову разбили. Смотри: мозг выступил, насили плетусь.

– И то правда, – говорит ей волк. – Где тебе, кума, идти, садись на меня, я тебя довезу.

Села лисица волку на спину. Он ее и повез. Вот лисица едет на волке и потихоньку поет:

Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

– Ты чего, кума, все говоришь?

– Я, куманек, твою боль заговариваю. И сама опять:

Битый небитого везет,
Битый небитого везет!

Лиса и дрозд

Дрозд на дереве гнездышко свил, яички снес и вывел детенышей. Узнала про это лисица. Прибежала и – тук-тук хвостом по дереву. Выглянул дрозд из гнезда, а лиса ему:

– Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд испугался и стал просить, стал лису молить:

- Лисанька-матушка, дерева не руби, детушек моих не губи! Я тебя пирогами да медом накормлю.

- Ну, накормишь пирогами да медом - не буду дерева рубить!

- Вот пойдем со мной на большую дорогу.

И отправились лиса и дрозд на большую дорогу: дрозд летит, лиса вслед бежит.

Увидел дрозд, что идет старуха с внучкой, несут корзину пирогов и кувшин меду.

Лисица спряталась, а дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит от земли да и сядет, взлетит да и сядет.

Внучка говорит бабушке:

- Давай поймем эту птичку!

- Да где нам с тобой поймать!

- Как-нибудь поймем. У ней, видать, крыло подбито. Уж больно красивая птичка!

Старуха с внучкой поставили корзину да кувшин на землю и побежали за дроздом.

Отвел их дрозд от пирогов да от меду. А лисица не зевала: вволю пирогов да меду наелась и в запас припрятала.

Взвился дрозд и улетел в свое гнездо.

А лиса тут как тут - тук-тук хвостом по дереву:

- Дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Дрозд высунулся из гнезда и ну лисицу просить, ну лисицу молить:

- Лисанька-матушка, дерево не руби, детушек моих не губи! Я тебя пивом напою.

- Ну, пойдем скорей. Я жирного да сладкого наелась, мне пить хочется!

Полетел опять дрозд на дорогу, а лисица вслед бежит.

Дрозд видит - едет мужик, везет бочку пива. Дрозд к нему: то на лошадь сядет, то на бочку. До того рассердил мужика, тот захотел убить его. Сел дрозд на гвоздь, а мужик как ударит топором - и вышиб из бочки гвоздь. Сам побежал догонять дрозда. А пиво из бочки на дорогу льется. Лиса напилась сколько хотела, пошла, песни запела.

Улетел дрозд в свое гнездо. Лисица опять тут как тут - тук-тук хвостом по дереву:

- Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

- Накормил!

- Напоил ты меня?

- Напоил!

- Теперь рассмеши меня, а то дерево хвостом подсеку, тебя, дрозда, съем и детей твоих съем!

Повел дрозд лису в деревню. Видит – старуха корову доит, а рядом старик лапти плетет. Дрозд сел старухе на плечо. Старик и говорит:

- Старуха, ну-ка не шевелись, я убью дрозда! – И ударил старуху по плечу, а в дрозда не попал.

Старуха упала, подойник с молоком опрокинула.

Вскочила старуха и давай старика ругать.

Долго лисица смеялась над глупым стариком.

Улетел дрозд в свое гнездо. Не успел детей накормить, лисица опять хвостом по дереву: тук-тук-тук!

- Дрозд, а дрозд, накормил ты меня?

- Накормил!

- Напоил ты меня?

- Напоил!

- Рассмешил ты меня?

- Рассмешил!

- Теперь напугай меня!

Рассердился дрозд и говорит:

- Закрой глаза, беги за мной!

Полетел дрозд, летит-покрикивает, а лисица бежит за ним – глаз не открывает. Привел дрозд лису прямо на охотников.

- Ну, теперь, лиса, пугайся!

Лиса открыла глаза, увидела собак – и наутек. А собаки – за ней. Едва добралась до своей норы.

Залезла в нору, отдышалась маленько и начала спрашивать:

- Глазки, глазки, что вы делали?

- Мы смотрели, чтобы собаки лисаньку не съели.

- Ушки, ушки, что вы делали?

- Мы слушали, чтобы собаки лисаньку не скушали.

- Ножки, ножки, что вы делали?

- Мы бежали, чтобы собаки лисаньку не поймали.
- А ты, хвостище, что делал?
- Я, хвостище, по пням, по кустам, по колодам цеплял да тебе бежать мешал.

Рассердилась лисица на хвост и высунула его из норы:

- Нате, собаки, ешьте мой хвост!

Собаки ухватили лису за хвост и вытащили ее из норы.

Лиса и заяц

Жили-были лиса да заяц. У лисы была избенка ледяная, у зайца – лубяная.

Пришла весна красна – у лисы избенка растаяла, а у зайца стоит по-старому.

Вот лиса и попросилась у него переночевать, да его из избенки и выгнала. Идет дорогой зайчик, плачет. Ему навстречу собака:

- Тяф, тяф, тяф! Что, зайчик, плачешь?
- Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ко мне ночевать, да меня и выгнала.
- Не плачь, зайчик! Я твоему горю помогу.

Подошли они к избенке. Собака забрехала:

- Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Собака испугалась и убежала. Зайчик опять идет дорогой, плачет. Ему навстречу медведь:

- О чем, зайчик, плачешь?
- Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.
- Не плачь, я твоему горю помогу.
- Нет, не поможешь. Собака гнала – не выгнала, и тебе не выгнать.
- Нет, выгоню!

Подошли они к избенке. Медведь как закричит:

- Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Медведь испугался и убежал.

Идет опять зайчик. Ему навстречу бык:

- Что, зайчик, плачешь?

- Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

- Пойдем, я твоему горю помогу.

- Нет, бык, не поможешь. Собака гнала - не выгнала, медведь гнал - не выгнал, и тебе не выгнать.

- Нет, выгоню!

Подожли они к избенке. Бык как заревел:

- Поди, лиса, вон!

А лиса им с печи:

- Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по закоулочкам!

Бык испугался и убежал.

Идет опять зайчик дорогой, плачет пуще прежнего. Ему навстречу петух с косой:

- Ку-ка-реку! О чем, зайчик, плачешь?

- Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная. Попросилась она ночевать, да меня и выгнала.

- Пойдем, твоему горю помогу.

- Нет, петух, не поможешь. Собака гнала - не выгнала, медведь гнал - не выгнал, бык гнал - не выгнал, и тебе не выгнать.

- Нет, выгоню!

Подожли они к избенке. Петух лапами затопал, крыльями забил:

Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса услышала, испугалась и говорит:

- Обуваюсь...

Петух опять:

Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса опять говорит:

– Одеваюсь...

Петух в третий раз:

Ку-ка-ре-ку! Иду на пятах,
Несу косу на плечах,
Хочу лису посечи,
Слезай, лиса, с печи,
Поди, лиса, вон!

Лиса без памяти выбежала, петух ее тут и зарубил косой.

И стали они с зайчиком жить-поживать в лубяной избенке.

Лиса и журавль

Лиса с журавлем подружились. Вот вздумала лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

– Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я тебя угощу!

Пошел журавль на званный пир. А лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает:

– Покушай, голубчик куманек, сама стряпала.

Журавль стук-стук носом по тарелке, стучал, стучал – ничего не попадает!

А лисица лижет себе да лижет кашу, так все сама и съела.

Кашу съела и говорит:

– Не обессудь, куманек! Больше потчевать нечем.

Журавль ей отвечает:

– Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса к журавлю в гости, а он приготовил окрошку, наклал в кувшин с узким горлышком, поставил на стол и говорит:

– Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина. И так зайдет, и эдак, и лизнет его, и понюхает-то – никак достать не может: никак не лезет голова в кувшин.

А журавль клюет себе да клюет, пока все не съел.

– Ну, не обессудь, кума! Больше угощать нечем.

Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла – несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

Лиса и козел

Бежала лиса, на ворон зазевалась – и попала в колодец. Воды в колодце было немного: утонуть нельзя, да и выскочить – тоже. Сидит лиса, горюет.

Идет козел – умная голова; идет, бородищей трясет, рожищами мотает; заглянул от нечего делать в колодец, увидел там лису и спрашивает:

– Что ты там, лисанька, поделываешь?

– Отдыхаю, голубчик, – отвечает лиса, – там, наверху, жарко, так я сюда забралась. Уж как здесь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой – сколько хочешь!

А козлу давно пить хочется.

– Хороша ли водица-то? – спрашивает козел.

– Отличная, – отвечает лиса. – Чистая, холодная! Прыгай сюда, коли хочешь: здесь обоим нам место будет.

Прыгнул сдуру козел, чуть лису не задавил.

А она ему:

– Эх, бородатый дурень, и прыгнуть-то не умел – всю обрызгал.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вон из колодца.

Чуть было не пропал козел с голоду в колодце; насилу-то его отыскали и за рога-то и вытащили.

Лиса и тетерев

Тетерев сидел на дереве. Лисица подошла к нему и говорит:

– Здравствуй, тетеревочек, мой дружок, как услышала твой голосочек, так и пришла тебя проводить.

– Спасибо на добром слове, – сказал тетерев. Лисица притворилась, что не расслышала, и говорит:

- Что говоришь? Не слышу. Ты бы, тетеревочек, мой дружок, сошел на травушку погулять, поговорить со мной, а то я с дерева не расслышу.

Тетерев сказал:

- Боюсь я сходить на траву. Нам, птицам, опасно ходить по земле.

- Или ты меня боишься? – сказала лисица.

- Не тебя, так других зверей боюсь, – сказал тетерев. – Всякие звери бывают.

- Нет, тетеревочек, мой дружок, нынче указ объявлен, чтобы по всей земле мир был. Нынче уж звери друг друга не трогают.

- Вот это хорошо, – сказал тетерев, – а то вот собаки бегут; кабы по-старому, тебе бы уходить надо, а теперь тебе бояться нечего.

Лисица услышала про собак, наострила уши и хотела бежать.

- Куда ж ты? – сказал тетерев. – Ведь нынче указ, собаки не тронут.

- А кто их знает! – сказала лиса. – Может, они указа не слышали.

И убежала.

Лиса и кувшин

Вышла баба на поле жать и спрятала за кусты кувшин с молоком. Подобралась к кувшину лиса, всунула в него голову, молоко вылакала; пора бы и домой, да вот беда – головы из кувшина вытащить не может. Ходит лиса, головой мотает и говорит: «Ну, кувшин, пошутил, да и будет – отпусти же меня, кувшинушко! Полно тебе, голубчик, баловать – поиграл да и полно!»

Не отстает кувшин, хоть ты что хочешь. Рассердилась лиса: «Погоди же ты, проклятый, не отстаешь честью, так я тебя утоплю».

Побежала лиса к реке и давай кувшин топить. Кувшин-то утонуть утонул, да и лису за собой потянул.

Морозко

Живало-бывало – жил дед да с другой женой. У деда была дочка, и у бабы была дочка.

Все знают, как за мачехой жить: перевернешься – бита и недовернешься – бита. А родная дочь что ни сделает – за все гладят по головке: умница.

Падчерица и скотину поила-кормила, дрова и воду в избу носила, печь топила, избу мела – еще до свету... Ничем старухе не угодишь – все не так, все худо.

Ветер хоть пошумит, да затихнет, а старая баба расходится – не скоро уймется. Вот мачеха и придумала падчерицу со свету сжечь.

- Вези, вези ее, старик, – говорит мужу, – куда хочешь, чтобы мои глаза ее не видали! Вези ее в лес, на трескучий мороз.

Старик затужил, заплакал, однако делать нечего, бабы не переспоришь. Запряг лошадь:

- Садись, мила дочь, в сани.

Повез бездомную в лес, свалил в сугроб под большую ель и уехал.

Девушка сидит под елью, дрожит, озноб ее пробирает. Вдруг слышит – невдалеке Морозко по елкам потрескивает, с елки на елку доскакивает, пощелкивает. Очутился на той ели, под которой девица сидит, и сверху ее спрашивает:

- Тепло ли тебе, девица?

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко стал ниже спускаться, сильнее потрескивает, пощелкивает:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Она чуть дух переводит:

- Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

Морозко еще ниже спустился, пуще затрещал, сильнее зашелкал:

- Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

Девица окостеневать стала, чуть-чуть языком шевелит:

- Ой, тепло, голубчик Морозушко!

Тут Морозко сжалился над девицей, окутал ее теплыми шубами, отогрел пуховыми одеялами.

А мачеха по ней уж поминки справляет, печет блины и кричит мужу:

- Ступай, старый хрыч, вези свою дочь хоронить!

Поехал старик в лес, доезжает до того места – под большой елью сидит его дочь, веселая, румяная, в собольей шубе, вся в золоте, в серебре, и около – короб с богатыми подарками.

Старик обрадовался, положил все добро в сани, посадил дочь, повез домой.

А дома старуха печет блины, а собачка под столом:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха бросит ей блин:

- Не так тывкаешь! Говори: «Старухину дочь замуж берут, а стариковой дочери косточки везут...»

Собака съест блин и опять:

- Тяф, тяф! Старикову дочь в злате, в серебре везут, а старухину замуж не берут.

Старуха блины ей кидала и била ее, а собачка – все свое... Вдруг закрипели ворота,

отворилась дверь, в избу идет падчерица – в злате-серебре, так и сияет. А за ней несут короб высокий, тяжелый.

Старуха глянула – и руки врозь...

– Запрягай, старый хрыч, другую лошадь! Вези, вези мою дочь в лес да посади на то же место...

Старик посадил старухину дочь в сани, повез ее в лес на то же место, вывалил в сугроб под высокой елью и уехал.

Старухина дочь сидит, зубами стучит.

А Морозко по лесу потрескивает, с елки на елку поскакивает, пощелкивает, на старухину дочь поглядывает:

– Тепло ли тебе, девица?

А она ему:

– Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать, пощелкивать:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

Еще ниже спустился Морозко, сильнее приударил, затрещал, защелкал:

– Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

– Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

Рассердился Морозко, да так хватил, что старухина дочь окостенела.

Чуть свет старуха посылает мужа:

– Запрягай скорее, старый хрыч, поезжай за дочерью, привези ее в злате-серебре...

Старик уехал. А собачка под столом:

– Тяф, тяф! Старикову дочь женихи возьмут, а старухиной дочери в мешке косточки везут.

Старуха кинула ей пирог:

– Не так твякаешь! Скажи: «Старухину дочь в злате-серебре везут...»

А собачка все свое:

– Тяф, тяф! Старухиной дочери в мешке косточки везут...

Заскрипели ворота, старуха кинулась встречать дочь. Рогожу отвернула, а дочь лежит в санях мертвая.

Заголосила старуха, да поздно.

Мужик и медведь

Мужик поехал в лес репу сеять. Пашет там да работает. Пришел к нему медведь:

– Мужик, я тебя сломаю.

– Не ломай меня, медведюшка, лучше давай вместе репу сеять. Я себе возьму хоть корешки, тебе отдам вершки.

– Быть так, – сказал медведь. – А коли обманешь, так в лес ко мне хоть не езд.

Сказал и ушел в дуброву. Репа выросла крупная.

Мужик приехал осенью копать репу. А медведь из дубровы вылезает:

– Мужик, давай репу делить, мою долю подавай.

– Ладно, медведюшка, давай делить: тебе вершки, мне корешки.

Отдал мужик медведю всю ботву. А репу наклал на воз и повез в город продавать. Навстречу ему медведь:

– Мужик, куда ты едешь?

– Еду, медведюшка, в город корешки продавать.

– Дай-ка попробовать – каков корешок?

Мужик дал ему репу. Медведь как съел:

– А-а! – заревел. – Мужик, обманул ты меня! Твои корешки сладеньки. Теперь не езжай ко мне в лес по дрова, а то заломаю.

На другой год мужик посеял на том месте рожь.

Приехал жать, а уж медведь его дожидается:

– Теперь меня, мужик, не обманешь, давай мою долю.

Мужик говорит:

– Быть так. Бери, медведюшка, корешки, а я себе возьму хоть вершки.

Собрали они рожь. Отдал мужик медведю корешки, а рожь наклал на воз и увез домой.

Медведь бился, бился, ничего с корешками сделать не мог.

Рассердился он на мужика, и с тех пор у медведя с мужиком вражда пошла.

Никита Кожемяка

Встарые годы появился невдалеке от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей

на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильнее. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

- Есть, - говорит змей, - в Киеве Никита Кожемяка - тот меня сильнее.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мят Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя - испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот - осиротил их лютый змей, - и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

- Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! - сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

- Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобою никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я - в другой.

- Хорошо, - сказал Никита. - Надо же прежде межу проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева межу прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда в две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

- Землю мы разделили - теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить - вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна; стоит она валом сажени на две высоту: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

Петр и Петруша

Жил на свете такой царь, Петром звали, а по прозвищу Великий.

В одно время поехал он на охоту зверье ловить. А Петр, надо сказать, в царскую одежду не любил рядиться, все больше простую носил.

Вот едет он лесом все далее и далее и заплутался. Пристигла его в лесу темная ночь.

А тут – еще беда! – напал на него медведь и растерзал его охотную собаку.

Опечалился царь Петр.

«Эх, – думает, – остался я теперь ни при чем!»

Ну и закружил Петр в темном лесу.

Всю ночь кружил, а лесу конца-краю нет.

Выехал Петр на маленькую полянку и вдруг видит: сидит на пеньке солдат.

«Ага, – думает Петр, – солдат-то мой!»

Петр одним только глазом глянул на его шинельку и уже знает, какого он полка.

А солдат этот в бегах был, в лесу прятался.

– Здравствуй, служивый, – говорит ему Петр.

– Здравствуй, не знаю, кто ты таков, – отвечает солдат.

– А я из царской свиты. Поехал с царем на охоту да и отстал, с дороги сбился. А ты откуда? Куда путь держишь?

– Тебе-то что за надобность, откуда я да куда? – говорит солдат.

– Да я по простоте спрашиваю, – говорит Петр. – Может, дорогу мне покажешь.

– А я сам с дороги сбился, – говорит солдат. – Домой на побывку ходил да и заплутался в этом лесу.

– Ну, пойдем, будем вместе дорогу искать, – говорит Петр. – Авось выберемся.

И отправились. Петр – на коне, а солдат – пеший.

– Тебя как звать-то? – спрашивает царь.

– Петром, – отвечает солдат. – А тебя?

– А меня Петрушей, – говорит царь.

– А по батюшке как? – спрашивает солдат.

– А по батюшке Алексеич, – отвечает царь.

- И меня Алексеич, - говорит солдат. - Значит, мы с тобой полные тезки.

- А ты откуда родом? - спрашивает царь.

- Оттуда-то.

- Ну и я тоже. Значит, мало что тезки, а еще и земляки. А что, земляк, - говорит ему царь Петр, - как тебе в полку служится?

- Служба-то ничего, - говорит солдат, - да полковник больно зол: чуть что не по нем - сейчас драться. Пуговицу вот потерял, так он меня за эту пуговицу мукой замучил. Каждый день бил. Хоть плачь. Хоть беги.

- А ты, верно, и сбежал? - говорит царь.

Солдат и признался тут, что он бежавший.

- Да ты не робей, царь, может, и простит, - говорит Петр.

А потом спрашивает:

- А кто у вас полковник, кто ротный?

Солдат ему все толком и доложил: кто ротный, кто полковник.

- А как, служивый, у вас в полку пища? - спрашивает Петр. - Говядины по сколько варят? По уставу в котел кладут?

- Про устав одна слава идет, - говорит солдат, - а говядина мимо плывет.

Петр только головой покачал.

- А кашу крутую варят? - опять спрашивает.

- Какое там крутую? - говорит солдат. - Крупинка от крупинки за версту, на ложку и не поймать.

- Да, плохая ваша жизнь, - говорит Петр. - Я и сам сбежал бы от такой жизни!

Долго ли, мало ли плутали они по лесу и увидели преогромную сосну.

- Ну-ка, тезка, - говорит Петр солдату, - поддержи моего коня, а я заберусь повыше, посмотрю, не видать ли где огонька.

Забрался Петр на самую вершину, поглядел туда-сюда: всюду тьма непроглядная, только в одной стороне, далеко-далеко, огонек светится, может, в деревне где или в избушке лесничего.

Слез Петр на землю, вскочил на коня и говорит:

- Садись, служивый, и ты, мой конь сильный, двоих увезет.

А солдат не соглашается.

- Нет, - говорит, - я уж лучше пешком.

Так и двинулись в путь, конный да пеший, два товарища.

Долго ли, коротко ли – выехали к огоньку.

Видят: стоит дом. Все окошки темные, а одно – наверху – светится.

Дом высоким забором обнесен, нигде ни входа ни выхода.

Постучались они. Стоят, ждут. Никто на стук не отвечает.

Солдат и руками и ногами в ворота колотит, а все равно никто на стук не выходит, никто не открывает. Только огонек в верхнем окошке погас.

«Ох, недоброе это место», – думает солдат.

А потом говорит царю:

– Послушай, тезка, подсади-ка ты меня. Я через тын^[10] перелезу.

Так и сделали. Перелез солдат через забор и открыл ворота.

– Пожалуйста, – говорит Петру, – хлеба-соли откушать, в тепле согреться.

А сам взбежал на крыльцо и давай в дубовую дверь стучать.

– Эй, кто тут есть? – кричит.

Слышат – зашевелился кто-то в доме.

Вышла к ним старуха с фонарем в руках.

– Ты что же, старая, добрым людям не открываешь? – кричит на нее солдат.

– Ах вы, мои родимые! – говорит старуха. – Напугали вы меня. Одна я в целом доме. Хозяина нет, на охоту уехал. А место здесь дикое, сами видите, всякий темный люд бродит, вот и запираюсь.

– Ладно, ладно, ты зубы не заговаривай, – говорит солдат. – Куда лошадь ставить?

– Да ставьте, родимые, под навес, тут и ясли^[11], и сено есть.

Солдат привязал лошадь, дал ей корму и в избу без спросу идет. Петр за ним.

– Ну, старая, – командует солдат, – подавай, что у тебя есть, мне и моему другу Алексеичу.

Старуха видит, что он шибко на нее наступает, спорить не стала, собрала из горшков да котлов остатки – и на стол. У солдата только аппетит разжегся.

– Не больно-то для гостей ты расщедрилась!

А старуха жалостно так говорит:

– Милые вы мои, нет у меня ничего. Что наготовила – хозяин с собой увез, а я на пустых щах весь день сажу.

- Врешь ты, старая, - говорит солдат, - да я не верю. Может, друга моего, Алексеича, и проведешь, а я не зря в солдатах служил, меня не обманешь. Вот сейчас я сам посмотрю, что у тебя есть.

Открыл он печку и достал оттуда на сковородке жареного гуся.

- Ах ты, старая карга! - закричал солдат. И с кулаками на старуху.

- Оставь ты ее! - говорит Петр. - Чего со старухой связываться!

- Эх, Алексеич, - говорит солдат, - пропадешь ты со своим смиренством.

Потом подошел к поставцу, открыл и давай снимать с полок вино, и пироги, и хлеб белый.

Сели они за стол, стали угощаться. Наелись, напились, что было у старухи жарено-варено - все съели.

- Ну, старая, готовь ночлег, - говорит солдат. - Не видишь, мой друг Алексеич спать хочет.

- А идите, дорогие гости, на чердак, на сеновал, - говорит им старуха. - Там вам и тепло будет, и мягко.

- Это что же, для гостей и угла в доме нет? - говорит солдат. - А в другой горнице у тебя что? - И сам на дверь показывает.

- Разный хлам у меня там свален, родимый, хлам разный, - говорит старуха, а сама поплотнее дверь в соседнюю горницу прикрыла.

Солдат думает: «Что-то хитрит старая ведьма. Дай-ка я погляжу, что там за дверью».

И заглянул незаметно в щелку. Да так и похолодел!

По стенам горницы сабли да ружья развешаны, а в углу человеческих черепов и костей - целая гора.

Тут понял солдат, что попали они прямо к разбойникам, в самое их гнездо.

Отошел он тихонько от двери, ничем себя не выдал.

- Что ж, - говорит, - пойдем на сеновал, там еще лучше спать.

Старуха рада, что гости хоть с глаз подальше уберутся, сена им подбросила и фонариком посветила, пока они наверх лезли.

Расстелил солдат на чердаке сено и говорит Петру:

- Ложись, Алексеич, отдыхай.

- А сам-то что не ложишься? - спрашивает Петр.

- А дозор нести кто будет? - отвечает солдат. - Это дело солдатское. Да ты спи, спи. А я у окошечка посижу, полюбуюсь, как солнышко поднимается.

Петр спит, а солдат у окошка сидит, в оба смотрит. «Как бы, - думает, - смерть свою не

проглядеть».

Вдруг – бряк, стук, колокольцы звенят, копыта стучат – с гиком, свистом едут на двор разбойники.

Посчитал их солдат – всех разбойников пятеро: четверо молодых, а пятый старик, над всеми, верно, голова.

Старуха на крылечко выбежала, руками на них машет:

– Тише, тише вы, ко мне в силки^[12] два птенца попались. Один, видать, птица важная, одежда на нем с золотыми галунами, рог – серебряный. А другой хоть и простоват, да такой отчаянный! Одно слово – солдат.

– Ну, сынки, – говорит старшой своим сыновьям-разбойникам, – смотрите-ка, добыча сама в руки идет!

Те смеются:

– А как же, на ловца и зверь бежит!

Распрягли они лошадей, задали им корму и пошли в дом. Мешки с золотом на скамейки побросали и говорят:

– Давай, хозяйка, есть-пить.

Старуха собрала разные остатки и выставила на стол.

– Что же ты, старая, ни гуся, ни пирогов не даешь? – спрашивает старшой.

– Да ничего не осталось, – отвечает старуха. – Все, что было, постояльцы съели-выпили.

– Ладно, – говорят разбойники, – получим с них расчет за хлеб-соль. Где же они, твои гости?

– На чердаке, на сеновале, – говорит старуха. – Храпят во все горло.

– Снять их, что ли? – один разбойничек говорит.

– Поди, не торопись, – приказывает атаман. – Пущай спят до времени.

А солдат слышит все и давай погромче храпеть.

«Не стану, – думает, – Алексеича будить. Один справлюсь с разбойниками».

Приготовил тесак^[13] и ждет, что будет.

Тем временем старуха затопила печь, стала обед варить.

Наелись разбойники, напились, и говорит старик старшему сыну:

– Ну, Саватейка, ты у меня первый, значит, тебе и начинать. Иди сними петушков с жердочек.

Взял Саватейка нож и полез наверх. А солдат не дремлет. Только разбойник просунул голову на чердак, солдат как махнет тесаком – Саватейка и свалился замертво с лестницы.

Отец с братьями удивляются: что это Саватейки долго нет?

- Иди-ка погляди, что он там возится, - говорит старик второму сыну.

Пошел тот в сени, видит: Саватейка под лестницей лежит.

«Видно, выпил лишнего», - думает разбойник.

И сам полез по лестнице на чердак.

Солдат и его так же встретил.

За вторым братом третий пошел, за третьим - четвертый. И со всеми у солдата один разговор: махнет тесаком - разбойник и повалится.

Ждал-ждал старый разбойник сыновей и пошел сам.

Подходит к лестнице и видит: сыновья все вповалку лежат.

Заругался старик:

- Бездельники, дармоеды, не могли отцова дела выполнить.

И полез по лестнице.

Только просунул старик голову на чердак, солдат своим тесаком - раз!

- Иди, вожак, к своей стае!

И снял ему голову долой.

Тут принялся он будить Петра:

- Вставай, тезка. Довольно спать! Эка ты сонуля, как я погляжу!

Петр проснулся, протер глаза и спрашивает:

- Что, неужто рассвет уже?

- Рассвет не рассвет, - говорит солдат, - а надо нам отсюда убираться. Занесло нас с тобой в разбойничье гнездо. Они-то, разбойники, думали, что напали на легкую добычу, да и сами в силки угодили. Вот, гляди, все лежат.

Петр глянул - и верно, лежат в сенях пять мертвых тел, пять разбойников.

- Что же ты меня не разбудил? - спрашивает Петр.

- Уж больно ты сладко спал, - говорит солдат, - пожалел я тебя будить. Для усталого человека сон - первое дело.

Стали они спускаться по лестнице.

Старуха думает, что это разбойники, и выбежала с фонарем в сени посмотреть, какую добычу они несут.

Тут солдат на нее и налетел.

- Вот, старая карга, чем ты занимаешься! А ну, признавайся, кого еще у себя прячешь?

А сам тесаком над ее головой помахивает.

Петр смеется, а старуха плачет.

- Ой, служивенький, никого я больше не прячу! Ой, служивенький, не губи!

Солдат и слушать ее не хочет - расходился так, что и не унять.

- Открывай, - кричит, - все потайные погреба, сейчас всех вас на чистую воду выведем, всю сорную траву повыдергаем!

Открыла старуха ему все погреба и подвалы, все потайные кладовые - а там золото горами лежит.

- Ну-ка, тезка, - говорит царь солдату, - насыпай себе казны^[14] сколько хочешь.

Солдат золотыми монетами оба кармана себе набил, и за голенища по горсти сунул, и за пазуху - всего себя кругом деньгами обсыпал.

- Бери и ты, Петруша! - говорит.

- Мне, служивый, не надо! - отвечает Петр. - А ты это золото и впрямь заслужил.

Для забавы только взял одну монетку царь Петр, и все.

Вот вылезли они из подвала. Солдат опять на старуху наступает:

- Показывай, старая карга, дорогу!

Ну, она и вывела их из лесу.

Выбрались они на большак^[15]. Тут Петр говорит:

- Вот что, тезка, теперь давай попрощаемся. Я вперед один поеду. А ты, как придешь в столицу, уж сделай милость, приходи в гости.

- Где ж мне тебя найти? - говорит солдат. - Да и поймают меня там!

- Не сомневайся, никто не тронет, - говорит Петр. - Иди прямо во дворец и спроси Петрушу. Меня там всякий знает. - И проскакал на коне вперед.

Подъехал Петр к своей столице и на каждой заставе^[16] приказывает караульным, чтобы таковому солдату прохожему все честь отдавали и в город пропускали.

А беглый солдат идет-бредет, не торопится. Подходит он к первой заставе. Что за диво! Караульные на караул берут и честь ему воздают, ну словно самому царю.

Пожертвовал он им горсть золота, а сам думает: «Ай, Петруша, вон что сделал! Ведь недаром честь-то мне воздают! Знают, что при мне деньги имеются!»

Дошел до другой заставы – и там то же. Караульные, как увидели его, сразу навтыяжку.

– Что вы, братцы, – говорит солдат, – выпили, видно, лишнего? Рядового за офицера принимаете! Ну, коли так, уважение за уважение!

Сунул он руку в карман, достал горсть золота и раздает караульным.

– Выпейте за мое здоровье!

Наконец пришел в столицу.

«А что, – думает, – пойду я во дворец, повидаясь с Алексеичем».

Подошел к дворцу и спрашивает у привратника^[17]:

– Как бы мне Алексеича повидать, Петрушу, он у вас в царской свите состоит, охотником.

– Извольте, – тот говорит, – я вас провожу.

И прямо в царевы покои его ведет.

«Ну, – думает солдат, – попал я!»

Тем временем Петр царскую одежду скинул, охотничью надел и вышел к солдату:

– Здравствуй, тезка!

А у того и язык не поворачивается. Тихонько так промолвил:

– Здравствуй, Петруша!

А потом и говорит:

– Что же ты, Петруша, со мной сделал? Царю выдал! Теперь пропала моя головушка!

– Ты не сомневайся, – говорит ему Петр. – Мне царь обещал! Да он сам тебе скажет.

И тут же за перегородку пошел, царскую одежду надел и опять вышел к солдату.

– Здравствуй, служивый!

Солдат честь отдал, навтыяжку стал, сам ни жив ни мертв со страху.

– Здравия желаю! – отвечает.

Он хоть не робкого десятка был, а тут оробел. В глаза царю смотрит, как по уставу положено, а видеть – ничего не видит.

Стал царь его допрашивать:

– Ты чей, откуда?

Ну, делать нечего, надо сознаваться.

– Бежавший я, – говорит солдат.

- Слыхал, - говорит царь. А потом спрашивает: - Петрушу моего знаешь?

- Знаю малость, - отвечает солдат. - Вместе в лесу бедовали.

- Это, значит, ты его от смерти спас?

Молчит солдатик.

«Я-то спас, - думает, - а он вот меня погубил».

- А скажи-ка, солдат, - опять спрашивает царь, - правду ли говорят, что Петруша этот со мной лицом схож?

Солдат глядит и сам себе не верит, ну, одно лицо! Стоит пред ним вчерашний его друг Алексеич.

- Малость смахивает, - отвечает солдат.

Тут царь вынул из кармана золотую монетку, что у разбойников взял, повертел ее, с руки на руку перекинул и будто подмигнул солдату.

- Так вот, - говорит, - мне-то хорошо известно, что ты Петрушу от смерти спас. Зато и он тебя нынче спас. По уставу-то знаешь, что полагается за то, что убег? Ну, да что там говорить! Иди в свой полк и служи как служил, верой и правдой. Заступишь на место полковника, а полковник пускай на твоём месте послужит, разучится небось воровать.

Подавал ему царь своеручное письмо, и зашагал солдат к себе в полк. А друга своего Алексеича не встречал больше никогда. Уж кого только он не спрашивал - никто про такого знать не знал.

Петух и жерновки[18]

Жил да был себе старик со старухой, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растёт выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево все растёт да растёт и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез-лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенек, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» - «Постой, - молвила старуха, - я попробую жерновцы». Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет - все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли, - спрашивает, - чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинчиков?» Взяла жерновцы и намолочила: нападали блинчики да пирожки. Приезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы». - «Нет, - говорит старушка, - продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как уведали старик со старушкой, что украдены жерновцы, стали горе горевать. «Постой, - говорит кочеток золотой гребенек, - я полечу, догоню!» Прилетел он к

боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услышал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый! Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!» – и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь – прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!» – и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услышали это и побегли из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток золотой гребенек схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

Петушок – золотой гребешок

Жили-были кот, дрозд да Петушок – Золотой гребешок. Жили они в лесу, в избушке. Кот да дрозд ходят в лес дрова рубить, а петушка одного оставляют.

Уходят – строго наказывают:

– Мы пойдем далеко, а ты оставайся домовничать, да голоса не подавай; когда придет лиса, в окошко не выглядывай.

Проведала лиса, что кота и дрозда дома нет, прибежала к избушке, села под окошко и запела:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок и выставил головку в окошко. Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору. Закричал петушок:

Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню и отняли у лисы петушка.

В другой раз кот и дрозд пошли в лес дрова рубить и опять наказывают:

– Ну, теперь, петух, не выглядывай в окошко, мы еще дальше пойдем, не услышим твоего голоса.

Они ушли, а лиса опять прибежала к избушке и запела:

Петушок, петушок,

Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок, сидит помалкивает. А лиса – опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти, понесла в свою нору.

Закричал петушок:

Несет меня лиса
За темные леса,
За быстрые реки,
За высокие горы...
Кот и дрозд, спасите меня!..

Кот и дрозд услышали, бросились в погоню. Кот бежит, дрозд летит... Догнали лису – кот дерет, дрозд клюет, и отняли петушка.

Долго ли, коротко ли, опять собрались кот да дрозд в лес дрова рубить. Уходя, строго-настрого наказывают петушку:

– Не слушай лисы, не выглядывай в окошко, мы еще дальше уйдем, не услышим твоего голоса.

И пошли кот да дрозд далеко в лес дрова рубить. А лиса – тут как тут: села под окошечко и поет:

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка,
Выгляни в окошко,
Дам тебе горошку.

Петушок сидит, помалкивает. А лиса – опять:

Бежали ребята,
Рассыпали пшеницу,
Курицы клюют,
Петухам не дают...

Петушок все помалкивает. А лиса – опять:

Люди бежали,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают...

Петушок и выставил головку в окошко:

– Ко-ко-ко! Как не дают?!

Лиса схватила его в когти плотно, понесла в свою нору, за темные леса, за быстрые реки, за высокие горы...

Сколько петушок ни кричал, ни звал – кот и дрозд не слышали его. А когда вернулись домой – петушка-то нет.

Побежали кот и дрозд по лисицыным следам. Кот бежит, дрозд летит... Прибежали к лисицыной норе. Кот настроил гусельцы и давай натренькивать:

Трень, брень, гусельцы,
Золотые струночки...
Еще дома ли Лисафья-кума,
Во своем ли теплом гнездышке?

Лисица слушала, слушала и думает: «Дай-ка посмотрю – кто это так хорошо на гусях играет, сладко напевает».

Взяла да и вылезла из норы. Кот и дрозд ее схватили – и давай бить-колотить. Били и колотили, покуда она ноги не унесла.

Взяли они петушка, посадили в лукошко и принесли домой.

И с тех пор стали жить да быть, да и теперь живут.

Пузырь, Соломинка и Лапоть

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают: как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывем!» – «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

Репка

Посадил дед репку и говорит:

– Расти, расти, репка, сладка! Расти, расти, репка, крепка!

Выросла репка сладка, крепка, большая-пребольшая.

Пошел дед репку рвать: тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал дед бабку.

Бабка за дедку, Дедка за репку – Тянут-потянут,
Вытянуть не могут.

Позвала бабка внучку.

Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку – Тянут-потянут,
Вытянуть не могут.

Позвала внучка Жучку.

Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку – Тянут-потянут, Вытянуть не могут.

Позвала Жучка кошку.

Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку – Тянут-потянут,
Вытянуть не могут.

Позвала кошка мышку.

Мышка за кошку,
Кошка за Жучку,
Жучка за внучку,
Внучка за бабку,
Бабка за дедку,
Дедка за репку – Тянут-потянут
И вытащили репку.

Сестрица Аленушка и братец Иванушка

Жили-были старик да старуха, у них были дочка Аленушка да сынок Иванушка.

Старик со старухой умерли. Остались Але- нушка да Иванушка одни-одинешеньки.

Пошла Аленушка на работу и братца с собой взяла. Идут они по дальнему пути, по широкому полю, и захотелось Иванушке пить.

– Сестрица Аленушка, я пить хочу!

– Подожди, братец, дойдем до колодца.

Шли-шли – солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит коровье копытце полно водицы.

– Сестрица Аленушка, хлебну я из копытца!

- Не пей, братец, теленочком станешь!

Братец послушался, пошли дальше.

Солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит лошадиное копытце полно водицы.

- Сестрица Аленушка, напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, жеребеночком станешь!

Вздохнул Иванушка, опять пошли дальше.

Идут, идут - солнце высоко, колодец далеко, жар донимает, пот выступает. Стоит козье копытце полно водицы.

Иванушка говорит:

- Сестрица Аленушка, мочи нет: напьюсь я из копытца!

- Не пей, братец, козленочком станешь!

Не послушался Иванушка и напился из козьего копытца.

Напился и стал козленочком...

Зовет Аленушка братца, а вместо Иванушки бежит за ней беленький козленочек.

Залилась Аленушка слезами, села под стожок - плачет, а козленочек возле нее скачет.

В ту пору ехал мимо купец:

- О чем, красная девица, плачешь?

Рассказала ему Аленушка про свою беду.

Купец ей говорит:

- Поди за меня замуж. Я тебя наряжу в злато-серебро, и козленочек будет жить с нами.

Аленушка подумала, подумала и пошла за купца замуж.

Стали они жить-поживать, и козленочек с ними живет, ест-пьет с Аленушкой из одной чашки.

Один раз купца не было дома. Откуда ни возьмись, приходит ведьма: стала под Аленушкино окошко и так-то ласково начала звать ее купаться на реку.

Привела ведьма Аленушку на реку. Кинулась на нее, привязала Аленушке на шею камень и бросила ее в воду.

А сама оборотилась Аленушкой, нарядилась в ее платье и пришла в ее хоромы. Никто ведьму не распознал. Купец вернулся - и тот не распознал.

Одному козленочку все было ведомо. Повесил он голову, не пьет, не ест. Утром и вечером ходит по бережку около воды и зовет:

- Аленушка, сестрица моя! Выплывь, выплывь на бережок...

Узнала об этом ведьма и стала просить мужа - зарежь да зарежь козленка...

Купцу жалко было козленочка, привык он к нему. А ведьма так пристает, так упрашивает - делать нечего, купец согласился:

- Ну, зарежь его...

Велела ведьма разложить костры высокие, греть котлы чугунные, точить ножи булатные.

Козленочек проведал, что ему недолго жить, и говорит названому отцу:

- Перед смертью пусти меня на речку сходить, водицы испить, кишочки прополоскать.

- Ну, сходи.

Побежал козленочек на речку, стал на берегу и жалобнехонько закричал - Аленушка, сестрица моя!

Выплывь, выплывь на бережок...

Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Аленушка из реки ему отвечает:

- Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.

А ведьма ищет козленочка, не может найти и посылает слугу:

- Поди найди козленка, приведи его ко мне.

Пошел слуга на реку и видит: по берегу бегают козленочек и жалобнехонько зовет:

- Аленушка, сестрица моя!
Выплывь, выплывь на бережок...
Костры горят высокие,
Котлы кипят чугунные,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

А из реки ему отвечают:

- Ах, братец мой Иванушка!
Тяжел камень на дно тянет,
Шелкова трава ноги спутала,
Желты пески на грудь легли.

Слуга побежал домой и рассказал купцу про то, что слышал на речке. Собрали народ, пошли

на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше, чем была.

А козленочек от радости три раза перекинулся через голову и обернулся мальчиком Иванушкой.

Ведьму привязали к лошадиному хвосту и пустили в чистое поле.

Сивка-Бурка

Было у старика трое сыновей: двое умных, а третий Иванушка-дурачок; день и ночь дурачок на печи.

Посеял старик пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночам толочь и травить. Вот старик и говорит детям:

- Милые мои дети, стерегите пшеницу каждую ночь поочередно, поймайте мне вора.

Приходит первая ночь. Отправился старший сын пшеницу стеречь, да захотелось ему спать: забрался он на сеновал и проспал до утра. Приходит утром домой и говорит: всю ночь-де не спал, иззяб, а вора не видал.

На вторую ночь пошел средний сын и также всю ночь проспал на сеновале.

На третью ночь приходит черед дураку идти. Взял он аркан и пошел. Пришел на межу и сел на камень: сидит не спит, вора дожидается.

В самую полночь прискакал на пшеницу разношерстный конь: одна шерстинка золотая, другая – серебряная; бежит – земля дрожит, из ушей дым столбом валит, из ноздрей пламя пышет. И стал тот конь пшеницу есть: не столько ест, сколько топчет.

Подкрался дурак на четвереньках к коню и разом накинул ему на шею аркан. Рванулся конь изо всех сил – не тут-то было. Дурак уперся, аркан шею давит. И стал тут конь дурака молить:

- Отпусти ты меня, Иванушка, а я тебе великую сослужу службу!

- Хорошо, – отвечает Иванушка-дурачок. – Да как я тебя потом найду?

- Выйди за околицу, – говорит конь, – свистни три раза и крикни: «Сивка-Бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» – я тут и буду.

Отпустил коня Иванушка-дурачок и взял с него слово – пшеницы больше не есть и не топтать. Пришел Иванушка домой.

- Ну, что, дурак, видел? – спрашивают братья.

- Поймал я, – говорит Иванушка, – разношерстного коня. Пообещался он больше не ходить на пшеницу – вот я его и отпустил.

Посмеялись вволю братья над дураком, только уж с этой ночи никто пшеницы не трогал.

Скоро после этого стали по деревням и городам бирючи от царя ходить, клич кликать:

собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мещане и простые крестьяне, все к царю на праздник, на три дня; берите с собой лучших коней; и кто на своем коне до царевнина терема доскачет и с царевниной руки перстень снимет, за того царь царевну замуж отдаст.

Стали собираться на праздник и Иванушкины братья; не то чтобы самим скакать, а хоть на других посмотреть. Просится и Иванушка с ними.

- Куда тебе, дурак! - говорят братья. - Людей, что ли, хочешь пугать? Сиди себе на печи да золу пересыпай.

Уехали братья; а Иванушка-дурачок взял у невесток лукошко и пошел грибы брать. Вышел Иванушка в поле, лукошко бросил, свистнул три раза и крикнул:

- Сивка-Бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Конь бежит - земля дрожит, из ушей пламя, из ноздрей дым столбом валит. Прибежал - и стал конь перед Иванушкой как вкопанный.

- Ну, - говорит, - влезай мне, Иванушка, в правое ухо, а в левое вылезай.

Влез Иванушка к коню в правое ухо, а в левое вылез - и стал таким молодцом, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать.

Сел тогда Иванушка на коня и поскакал на праздник к царю. Прискакал на площадь перед дворцом, видит - народу видимо-невидимо; а в высоком терему, у окна, царевна сидит: на руке перстень - цены нет, собою красавица из красавиц. Никто до нее скакать и не думает: никому нет охоты наверняка шею ломать.

Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам, осерчал конь, прыгнул - только на три венца до царевнина окна не допрыгнул.

Удивился народ, а Иванушка повернул коня и поскакал назад. Братья его не скоро посторонились, так он их шелковой плеткой хлестнул. Кричит народ: «Держи, держи его!» - а Иванушкин уж и след простыл.

Выехал Иван из города, слез с коня, влез к нему в левое ухо, а в правое вылез и стал опять прежним Иванушкой-дурачком. Отпустил Иванушка коня, набрал лукошко мухоморов и принес домой.

- Вот вам, хозяйюшки, грибков, - говорит.

Рассердились тут невестки на Ивана:

- Что ты, дурак, за грибы принес? Разве тебе одному их есть?

Усмехнулся Иван и опять залез на печь.

Пришли братья домой и рассказывают отцу, как они в городе были и что видели; а Иванушка лежит на печи да посмеивается.

На другой день старшие братья опять на праздник поехали, а Иванушка взял лукошко и пошел за грибами. Вышел в поле, свистнул, гаркнул:

- Сивка-Бурка, вещий каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!

Прибежал конь и стал перед Иванушкой как вкопанный.

Перерядился опять Иван и поскакал на площадь. Видит – на площади народу еще больше прежнего; все на царевну любят, а прыгать никто и не думает; кому охота шею ломать! Ударил тут Иванушка своего коня по крутым бедрам; осерчал конь, прыгнул – и только на два венца до царевнина окна не достал. Поворотил Иванушка коня, хлестнул братьев, чтоб посторонились, и ускакал.

Приходят братья домой, а Иванушка уже на печи лежит, слушает, что братья рассказывают, и посмеивается.

На третий день опять братья поехали на праздник, прискакал и Иванушка. Стегнул он своего коня плеткой. Осерчал конь пуще прежнего: прыгнул – и достал до окна. Иванушка поцеловал царевну в сахарные уста, схватил с ее пальца перстень, повернул коня и ускакал, не позабывши братьев плеткой огреть. Тут уж и царь и царевна стали кричать: «Держи, держи его!» – а Иванушкин и след простыл.

Пришел Иванушка домой – одна рука тряпкой обмотана.

– Что это у тебя такое? – спрашивают Ивана невестки.

– Да вот, – говорит, – искавши грибов, сучком накололся.

И полез Иван на печь.

Пришли братья, стали рассказывать, что и как было. А Иванушке на печи захотелось на перстенок посмотреть: как приподнял он тряпку, избу всю так и осияло.

– Перестань, дурак, с огнем баловать! – крикнули на него братья. – Еще избу сожжешь. Пора тебя, дурака, совсем из дому прогнать.

Дня через три идет от царя клич, чтобы весь народ, сколько ни есть в его царстве, собирался к нему на пир и чтобы никто не смел дома оставаться, а кто царским пиром побрезгует – тому голову с плеч.

Нечего тут делать, пошел на пир сам старик со всей семьей.

Пришли, за столы дубовые посадились; пьют и едят, речи гуторят.

В конце пира стала царевна медом из своих рук гостей обносить. Обошла всех, подходит к Иванушке последнему; а на дураке-то платишко худое, весь в саже, волосы дыбом, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть.

– Зачем это у тебя, молодец, рука обвязана? – спрашивает царевна. – Развяжи-ка.

Развязал Иванушка руку, а на пальце царевнин перстень – так всех и осиял.

Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела к отцу и говорит:

– Вот, батюшка, мой суженый.

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одели в царское платье, и стал он таким молодцом, что отец и братья глядят – и глазам своим не верят.

Сыграли свадьбу царевны с Иванушкой и сделали пир на весь мир.

Я там был, мед, пиво пил; по усам текло, а в рот не попало.

Теремок

Лежит в поле лошадиная голова. Прибежала мышка-норышка и спрашивает:

- Терем-теремок! Кто в тереме живет?

Никто не отвечает.

Вот она вошла и стала жить в лошадиной голове.

Пришла лягушка-квакушка:

- Терем-теремок! Кто в тереме живет?

- Я, мышка-норышка; а ты кто?

- А я лягушка-квакушка.

- Ступай ко мне жить.

Вошла лягушка, и стали себе вдвоем жить.

Прибежал заяц:

- Терем-теремок! Кто в тереме живет?

- Я, мышка-норышка, да лягушка-квакушка; а ты кто?

- А я на горе увертыш.

- Ступай к нам.

Стали они втроем жить.

Прибежала лисица:

- Терем-теремок! Кто в тереме живет?

- Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш; а ты кто?

- А я везде посकोиш.

- Иди к нам.

Стали четверо жить.

Пришел волк:

- Терем-теремок! Кто в тереме живет?

- Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде посकोиш; а ты кто?

– А я из-за кустов хватайш.

– Иди к нам.

Стали пятеро жить.

Вот приходит к ним медведь:

– Терем-теремок! Кто в тереме живет?

– Мышка-норышка, лягушка-квакушка, на горе увертыш, везде поскокиш, из-за кустов хватайш. – А я всех вас давишь!

Сел на голову и раздавил всех.

Хаврошечка

Есть на свете люди хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые своего брата не стыдятся.

К таким-то и попалась Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой, взяли ее эти люди, выкормили и над работой заморили: она и ткет, она и прядет, она и прибирает, она и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери. Старшая звалась Одноглазка, средняя Двуглазка, а меньшая Триглазка.

Дочери только и знали, что у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка-Хаврошечка на них работала: их и обшивала, для них пряла и ткала – и слова доброго никогда не слыхала.

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую коровку, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжело жить-поживать:

– Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрашнему дню мне велено пять пудов прясть, наткать, побелить и в трубы покатаать.

А коровушка ей в ответ:

– Красная девица, влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь – все будет сработано.

Так и сбывалось. Влезет Хаврошечка коровушке в одно ушко, вылезет из другого – все готово: и наткано, и побелено, и в трубы покатоано.

Отнесет она холсты к хозяйке. Та поглядит, побряхтит, спрячет в сундук, а Крошечке-Хаврошечке еще больше работы задаст.

Хаврошечка опять придет к коровушке, обнимет ее, погладит, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет, принесет хозяйке.

Вот хозяйка позвала свою дочь Одноглазку и говорит ей:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катаает?

Пошла Одноглазка с Хаврошечкой в лес, пошла с нею в поле, да забыла матушкино

приказание, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке. А Хаврошечка приговаривает:

– Спи, глазок, спи, глазок!

Глазок у Одноглазки и заснул. Пока Одноглазка спала, коровушка все наткала, и побелила, и в трубы скатала.

Так ничего хозяйка не дозналась и послала вторую дочь – Двуглазку:

– Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая, поди догляди, кто сироте помогает.

Двуглазка пошла с Хаврошечкой, забыла матушкино приказание, на солнышке распеклась, на травушке разлеглась. А Хаврошечка баюкает:

– Спи, глазок, спи, другой!

Двуглазка глаза и смежила. Коровушка наткала, побелила, в трубы накатала, а Двуглазка все спала.

Старуха рассердилась и на третий день послала третью дочь – Триглазку, а сироте еще больше работы задала.

Триглазка попрыгала, попрыгала, на солнышке разморилась и на травушку упала.

Хаврошечка поет:

– Спи, глазок, спи, другой!

А о третьем глазке и забыла.

Два глаза у Триглазки заснули, а третий глядит и все видит: как Хаврошечка корове в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала.

Триглазка вернулась домой и матери все рассказала.

Старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу:

– Режь рябую корову!

Старик и так и сяк:

– Что ты, старуха, в уме ли? Корова молодая, хорошая!

– Режь, да и только!

Делать нечего. Стал точить старик ножик. Хаврошечка про это спознала, в поле побежала, обняла рябую коровушку и говорит:

– Коровушка-матушка! Тебя резать хотят.

А коровушка ей отвечает:

– А ты, красная девица, моего мяса не ешь, а косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их схорони и никогда меня не забывай: каждое утро косточки водою поливай.

Старик зарезал коровушку. Хаврошечка все сделала, что коровушка ей завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки ее зарыла и каждый день в саду поливала.

И выросла из них яблонька, да какая! Яблочки на ней висят наливные, листья шумят золотые, веточки гнутся серебряные. Кто ни едет мимо – останавливается, кто проходит близко – заглядывается.

Много ли времени прошло, мало ли – Одноглазка, Двуглазка и Триглазка гуляли раз по саду. На ту пору ехал мимо сильный человек – богатый, кудреватый, молодой. Увидел в саду наливные яблочки, стал затрагивать девушек:

– Девицы-красавицы, которая из вас мне яблочко поднесет, та за меня замуж пойдет.

Три сестры и бросились одна перед другой к яблоне.

А яблочки-то висели низко, под руками были, а тут поднялись высоко, далеко над головами.

Сестры хотели их сбить – листья глаза засыпают, хотели сорвать – сучки косы расплетают. Как ни бились, ни метались – руки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка – веточки к ней приклонились, и яблочки к ней опустились. Угостила она того сильного человека, и он на ней женился. И стала она в добре поживать, лиха не зная.

Хитрая наука

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолodu был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души, да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам – авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег.

Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадаетея им навстречу человек и спрашивает деда:

– Что, старичок, пригорюнился?

– Как мне не пригорюниться! – сказал дед. – Вот водил, водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!

– Ну так отдай его мне, – говорит встречный, – я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь – придешь вовремя да узнаешь своего сына – возьмешь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня.

Дед так обрадовался и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтра-де сравняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать.

- У хозяина моего не я один в науке; есть, - говорит, - еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались - оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями - перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех.

После выведет он к тебе двенадцать жеребцов - все одной масти, гривы на одну сторону и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня.

После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев - рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет малая мушка. Хозяин опять-таки спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня.

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину.

Попутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну.

- Ну, старик, - говорит колдун, - выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные.

После того выпустил он двенадцать белых голубей - перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны - и говорит:

- Узнавай, старик, своего сына!

Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя:

- Кажись, это мой!

- Узнал, узнал, дедушка! - рассказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов - все как один, и гривы на одну сторону.

Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает:

- Ну что, дедушка! Узнал своего сына?

- Нет еще, погоди маленько.

Да как увидал, что один жеребец топнул правою ногою, сейчас показал на него:

- Кажись, это мой!

- Узнал, узнал, дедушка!

В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев - рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила.

Дед раз прошел мимо молодцев - ничего не за приметил, в другой прошел - тож ничего, а как

проходил в третий раз – увидел у одного молодца на правой щеке муху и говорит:

– Кажись, это мой!

– Узнал, узнал, дедушка!

Вот делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин.

– Батюшка, – говорит сын, – я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!

Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою.

Барин увидел, что старик ведет собачку, зачал ее торговать: не так ему собачка показалась, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублей, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублей.

Только стал было дед снимать ошейник – куда! – барин и слышать про то не хочет, упирается.

– Я ошейника не продавал, – говорит дед, – я продал одну собачку. А барин:

– Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник.

Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником.

Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг – откуда ни возьмись – бежит навстречу заяц.

– Что, – думает барин, – али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?

Только выпустил, смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую – и убежала в лес.

Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем.

А собачка оборотилась добрым молодцем.

Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его.

– Эх, батюшка! – говорит. – Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за что!

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу:

– Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь.

Ударился оземь, сделался птичкою, старик посадил ее в клетку и понес продавать.

Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалась!

Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет!

Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой.

- Ну, дочка, - говорит дома, - я купил нашего шельмеца!

- Где же он?

Колдун распахнул платок, а птички давно нет - улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу:

- Батюшка! Я обернусь нынче лошадю; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь.

Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадю; повел ее дед на базар продавать.

Обступили старика торговые люди, все барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех.

Дед продал ему сына, а уздечки не отдает.

- Да как же я поведу лошадь-то? - спрашивает колдун. - Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!

Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Провал лошадь - провал и узду. Ну что с ними поделаешь? Пришлось отдать деду уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до земли не хватают.

- Ну, дочка, - рассказывает опять колдун, - вот когда купил, так купил нашего шельмеца.

- Где же он?

- На конюшне стоит.

Дочь побежала смотреть; жалко ей стало добра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать.

Бросилась дочь к отцу.

- Батюшка, - говорит, - прости! Грех меня попутал, конь убежал!

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит!

Конь прибежал к реке, ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою.

Ерш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги.

Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком.

– Отдай, – пристаёт к ней, – мое золотое кольцо.

– Бери! – говорит девица и бросила кольцо наземь.

Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал – одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб!

Тем сказке конец, а мне водочки корец.

Царевна-Лягушка

Встарые годы у одного царя было три сына. Вот когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

– Сынки мои любезные, покуда я еще не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

– Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

– Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили.

У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла ее купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела сам не знает куда.

Вот он шел, шел, дошел до болота, видит – сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

– Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

– Возьми меня замуж!

– Что ты, как я возьму себе в жены лягушку?

– Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принес домой.

Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего – на купеческой, а несчастного Ивана-царевича – на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

- Хочу посмотреть, которая из ваших жен лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли. Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

- Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

- Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

- Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лег спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь.

Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завернута в полотенце.

Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понес к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял ее и сказал:

- Эту рубашку в черной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

- В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

- Ну, вот это рубашка - в праздник ее надевать.

Пошли братья по домам - те двое - и судят между собой:

- Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра.

Царь опять позвал сыновей:

- Пускай ваши жены испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришел домой. Лягушка его спрашивает:

- Что закручинился?

Он отвечает:

- Надо к завтраму испечь царю хлеб.

- Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб.

Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, все рассказала, и те так же стали делать.

А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

- Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку, понес к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жены-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына, посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

- Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трем своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с женами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

- Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от батюшки слово не приветливое?

- Лягушка, лягушка, как мне не горевать! Батюшка наказал, чтобы я пришел с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает - Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошел один.

Вот старшие братья приехали с женами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмленными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

- Что же ты без жены пришел? Хоть бы в платочке ее принес. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные - пировать. Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

- Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золоченая карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда

Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звезды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берет она Ивана-царевича за руку и ведет за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила.

Жены больших-то царевичей увидали ее хитрости и давай то же делать.

Попили, поели, настал черед плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала, вертелась, вертелась – всем на диво. Махнула левым рукавом – вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом – только гостей забрызгали, махнули другим – только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашел там лягушечью кожу и бросил ее в печь, сжег на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась – нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

– Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты еще только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич поплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошел куда глаза глядят – искать жену, Василису Премудрую. Шел он близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли, сапоги проносил, кафтан истер, шапчонку дождик иссек. Попадаетеся ему навстречу старый старичок:

– Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про свое несчастье. Старый старичок говорит ему:

– Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты ее надел, не тебе ее было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на нее и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошел за клубочком. Клубок катится, он за ним идет.

В чистом поле попадаетеся ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошел дальше.

Глядь, летит над ним селезень. Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

- Не бей меня, Иван-царевич! Я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошел дальше.

Бежит косой заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

- Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошел дальше. Подходит к синему морю и видит: на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

- Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошел дальше берегом.

Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу. Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

- Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич вошел в нее и видит: на печи, на девятом кирпиче, лежит Баба-яга костяная нога, зубы - на полке, а нос в потолок врос.

- Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? - говорит ему Баба-яга. - Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

- Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

- Знаю, знаю, - говорит ему Баба-яга, - твоя жена теперь у Кощея Бессмертного. Трудно ее будет достать, нелегко с Кощеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кощей Бессмертный как свой глаз бережет.

Иван-царевич у Бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растет высокий дуб.

Долго ли, коротко ли, дошел туда Иван-царевич, видит: стоит, шумит высокий дуб, на нем каменный сундук, а достать его трудно.

Вдруг, откуда ни возьмется, прибежал медведь и выворотил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц - и наутек во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на нее селезень кинулся, как ударит ее - утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море.

Тут Иван-царевич залился горькими слезами - где же в море яйцо найти!..

Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал

иголку и давай у нее конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьется, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей – сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошел в Кощеевы палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста.

Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.